ЖУРНАЛ – КАТАЛИЗАТОР УМСТВЕННОГО БРОЖЕНИЯ

НАПЕРЕКОР

№11 ЗИМА 2000 / 2001

КАЖДОМУ СВОЕ?
Национализм и культура

РАБОТА ДЕЛАЕТ СВОБОДНЫМ?
О чём пишет один видный неолиберал

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ
Вальтера Беньямина

СВЕТОЗАРНЫЙ МОСТ
Идеи и творчество Ивана Ефремова

ЧЕ ГЕВАРА
Мифы и легенды

АНТИ-ДУГИН
Жизнь против абсолютов

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

НАПЕРЕКОР

Журнал–катализатор умственного брожения

Связь с редакцией по адресу:
117485 Москва,
а/я 34.
e-mail: mpst@mail.ru

Чтобы получить наш журнал, отправьте почтовый перевод по адресу:
125475 Москва,
до востребования,
Рябову Петру
Владимировичу

В графе "для письменных сообщений" укажите, сколько и каких номеров журнала Вы хотите получить (см. также стр.12). Стоимость подписки: на 1 экземпляр - 30 руб., на 2 экземпляра – 55 руб... Цены даны с учётом почтовых расходов.

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Рябов
Новые вехи в истории города Глупова..........1

Полина Елисеева
Родная речь, или как и о чем мы выражаемся..........2

Новости нашей культуры..........3

Михаил Магид
Глобализация и новые формы сопротивления..........4

ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ

Михаил Магид
Каждому своё?..........10

Андрей Константинов
Анти-Дугин
Радикальный гуманизм против «неожиданного синтеза»..........14

Михаил Магид
Работа делает свободным?..........18

Лутц Нойбер
Разорвать непрерывность истории!
Историко-философские тезисы Вальтера Беньямина..........20

Андрей Константинов
Светозарный мост
О жизни, творчестве и идейном наследии Ивана Ефремова..........24

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Мифы и легенды: Че Гевара..........38

Иван Эчеверри
По поводу Че..........40

ПОДМОСТКИ

Николай Муравин
Буржуин
Пьеса для народного театра..........42

- **Книжная полка**..........46

НОВЫЕ ВЕХИ В ИСТОРИИ ГОРОДА ГЛУПОВА

Каждый народ имеет то правительство, которое его имеет.
(Русская народная мудрость – вольное переложение мысли Гегеля)

Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.
(Иосиф Бродский – любимая цитата российских либералов)

Маятник российской истории вновь качнулся и начал привычное движение от очередной «оттепели» (с грабежами и ложью) к очередному «похолоданию» (с ГУЛАГом и «застоем»). Все последние годы наблюдалась интересная закономерность: каждый очередной правитель России казался «хуже некуда», но каждый следующий оказывался намного хуже предыдущего. «Кто угодно, только не Горбачев!» - восклицали советские оппозиционеры после устроенных Михаилом Сергеевичем кровопролитий в Тбилиси, Баку и Вильнюсе в 1989-1991 годах, после жалких комедий, разыгранных на съездах нардепов и «павловского» повышения цен. На смену Горбачеву, однако, пришел Ельцин и заставил всех ностальгически пожалеть о своем предшественнике. «Либерализация» цен по Гайдару и «приватизация» по Чубайсу, побоище 93-го года в Москве, первая чеченская война... «Нет, кто угодно, только не Ельцин!...» Кем угодно оказался эфэсбешник Путин. Сакраментальный вопрос: «Кто есть мистер Путин?», так будораживший зарубежную и российскую публику зимой 1999-2000 года, прояснился к весне. И стало ясно, что родившаяся в эти месяцы формула: «Путин равно Берия плюс Чубайс» не слишком сильно преувеличивает состояние дел. С одной стороны, новая чеченская война, мутная волна патриотизма и милитаризма (в школах вновь ввели НВП, а в армии – «особые отделы»), повсеместно разрастающиеся метастазы спецслужб, триумфальное «усиление вертикали власти», натиск на мало-мальски «независимую» прессу и телевидение, драконовский кодекс административных правонарушений, ползучая попытка незаметной реабилитации Сталина и Берии, создание очередной «партии власти нового типа» – «Единства»... С другой стороны, вторая волна «радикальных либеральных реформ» в социальной сфере: планы увеличения пенсионного возраста на пять лет, снижение налогов с богатых, резкий рост коммунальных платежей, чудовищный КЗОТ, сводящий почти на нет право на забастовки и обязывающий профсоюзы «стучать» предпринимателям на своих активистов...На очереди – приватизация энергетики (за что ратует Чубайс и что превратит всю Россию в Дальний Восток, где электричество дают на несколько часов в день), а также завершение «земельной реформы», которая приведет к стремительной скупке земельных ресурсов новыми денежными мешками.

Обе стороны путинского правления: репрессивно-авторитарный курс в политике и ультралиберальные экономические мероприятия, органично взаимосвязаны, невольно напоминая о Пиночете. Вновь убеждаешься, что между «ворюгой» и «кровопийцей» нет непроходимой пропасти – особенно в России, где власть попеременно то загоняет народ в ГУЛАГ, то временно выпускает из него, раздевая при этом до последней рубашки, где партийные чиновники и министры легко превращаются в бизнесменов и олигархов, а либералы и патриоты органично перерастают друг в друга. Не будем, однако, торопиться и восклицать: «Хуже не бывает! Кто угодно, только не Путин!» Во-первых, похоже, этот режим устанавливается в России всерьез и надолго – все делается с размахом и планируется на годы вперед. Во-вторых, наш же горький опыт должен научить нас, что нет пределов насилиям, чинимых властью над народом, пока нет предела терпению и покорности самого народа. Вот на Украине, например, в некоторых городах в порядке эксперимента (и в духе времени) вводится... платный проезд на лифтах. Во многих городах российской глубинки жителей уже начали выселять из домов за неуплату квартплаты. А в ряде Среднеазиатских республик власть президентов стала уже не только безграничной и пожизненной, но и, практически, наследственной. Так что – нам есть еще куда катиться вниз по наклонной плоскости. С другой стороны, наши власти, конечно, могли бы решить все проблемы куда проще и безболезненнее – например, как предположил один мой знакомый: «Почему бы начальству сразу не пустить в систему водоснабжения цианистый калий?» По крайней мере, для населения гибнущей страны все сразу и быстро закончится.

Вспомните Щедрина: «Тогда бригадир призвал к себе «излюбленных» и велел им ободрять народ. Стали «излюбленные» ходить по соседям и ни одного унывающего не пропустили, чтоб не утешить.

- Мы люди привышные! - говорили одни, - мы претерпеть могим. Ежели нас теперича всех в кучу сложить и с четырех концов запалить – мы и тогда противного слова не молвим!

- Это что говорить! – прибавляли другие, - нам терпеть можно! Потому что мы знаем, что у нас есть начальники!»

Вот так-то!

Петр РЯБОВ

РОДНАЯ РЕЧЬ

(или как и о чем мы выражаемся)

Достаточно понятно, что современное российское общество, лишенное устойчивых «горизонтальных» связей, обречено воспринимать себя при помощи такого своеобразного зеркала, каким являются наши масс медиа. При этом то, *что* и *как* мы говорим, отчасти формируется, а отчасти отображается этими масс медиа и, в свою очередь, служит свидетельством того, *как* и *чем* мы живем. Не претендуя на детальный анализ и глобальные обобщения, попытаюсь набросать несколько штрихов к картине современной эволюции некогда великого и могучего русского языка.

Прежде всего, очевидно причудливое сочетание ностальгической тяги ко всему архаически-дореволюционному с необузданным восторгом перед всем импортно-иноземным. Если в прошлые века «почвенники» и «западники» в России были разделены четкой линией баррикад, проходящей через идеи, быт и, конечно же, речь, то сегодняшняя эпоха стандартизации и постмодернизма вкупе со всеядной эклектикой коммерческой логики, все смешала в одну диковинную кучу. Назойливые «яти» на вывесках (вновь явочным порядком получившие право гражданства в языке) соседствуют с игривым лозунгом: «Не опоздай на тусовку в Нью-Йорке! », призванном разбудить в русском человеке дремлющие в нем архетипы низкопоклонничества перед всем иноземным и подспудное желание сбежать куда-нибудь за океан. Стиль «державное ретро» соседствует со стилем «вестерн» – зачастую в одном флаконе. Наиболее совершенное и причудливое свое завершение эта конвергенция нашла в «*русском бистро*»,- заведении, подобном «ихнему» «макдональдсу» (да и «бистро» что-то не очень по-нашему звучит), где, однако, подают к столу патриотическую медовуху и на салфетках изображены до боли родные казаки.

Неисчерпаемую пищу для размышлений, конечно же, дает язык рекламы. Вся жизненная философия современного человека выражается гениальными афоризмами: «Не грусти – похрусти!» и «Съел – и порядок!» А вот кое-что поинтереснее. «Открой для себя чудесный *мир* «Мальборо»!» (или – «планету Голливуд», или – «вселенную Майкрософт» – название неважно). Конкретные наименования фирм могут меняться. Но очень важна здесь фрейдистская проговорка, которая очевидна в подобных «слоганах» (кстати, о «слоганах» – вы заметили, как стало модно у нашей так называемой элиты коверкать родную речь всякими приблатненными англицизмами, полагая в этом высший шик?) В самом деле, левые могут произносить сотни фраз о глобализации и о власти зловещих транснациональных корпораций, заполонивших и поработивших планету. Но к чему все эти многословные фразы? Все ведь в сущности уже сказано: «Открой для себя *планету* Голливуд!» У корпораций не только своя собственная геополитика (покруче, чем у былых империй), но и пресловутая «корпоративная культура» (свои наклейки, футболки, чашки и пр. – с символикой). Эти символы всевластных корпораций, ненавязчиво проникающие во все поры и щели нашего быта, напоминают мне средневековые гербы феодалов, свидетельствующие о мощи и преуспевании. Феодалы повсюду развешивали свои боевые щиты с гербами, а корпорации повсюду развешивают рекламные щиты – вот и вся разница.

Но вернемся к нашим баранам. Если «язык – это дом бытия» (Мартин Хайдеггер), то, надо признать, что в последние годы этот дом у нас переполнен гостями из финансовых, компьютерных, блатных, уголовных и вообще профессиональных жаргонов, ясно свидетельствуя о том, кто в доме нынче хозяин и насколько этот хозяин гармоничен и развит. «Киллеры», «диллеры», «триллеры», «брокеры» и «провайдеры» соседствуют с откровенной «феней», наконец-то завладевшей трибунами политиков и ящиками телевизоров. Пожалуй, два самых выразительных и актуальных слова, концентрированно выражающих суть момента и потому наиболее часто произносимых, - слова «крутой» и «беспредел».

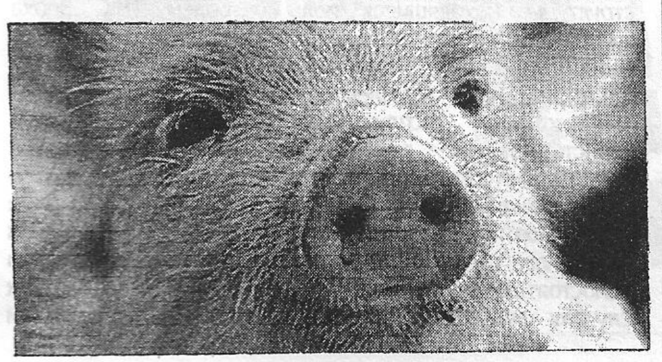
Обратимся к политикам. Дабы быть узнаваемым и близким зрителю (избирателю), чтобы сформировать положительный «имидж» и высоко нести свой «рейтинг» (вот еще два слова, обогативших нашу сокровищницу) , каждый политик должен иметь свою Фразу. Лучше всего, из одного слова. Еще лучше, если это слово – паразит (тогда оно наиболее адекватно своему владельцу). Например: «Однозначно!» (Жириновский). Или: «Понимаешь!» (Ельцин). Придумав и монополизировав данную фразу, следует регулярно повторять ее, чтобы у зрителя (избирателя) сложился соответствующий рефлекс привыкания. Конечно, если Господь не обделил тебя даром красноречия, можно пуститься и в дальнейшие изыски и создать ряд бессмертных шедевров, по части которых вне конкуренции Александр Лукашенко («Я –

православный атеист», «Белорусский народ будет жить плохо, но недолго») и Виктор Черномырдин («Моя юность прошла в атмосфере нефти и газа», «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»). Но оставим в стороне титанов слова и вернемся к общему языковому фону. Циничные эвфемизмы говорят о технократизации и оскудении как родного языка, так и его (языка) носителей.

Прислушаемся к нескольким шедеврам последних двух лет, озвученным масс медиа и органично вошедшим в нашу жизнь. «На выборах широко применялся «*административный ресурс*»» - это о фальсификациях и подтасовках. «Широко использованы *предвыборные технологии* и *черный пиар*» (подразумеваются убийства, взрывы, клевета, шантаж). «Проведены *зачистки*» - это об уничтожении сел вместе с жителями. По телевизору так и объяснили: «В результате жесткой зачистки села Комсомольское, в нем не осталось ни одного здания» (вероятно, имеется в виду, что при «мягкой зачистке» все же какие-то здания должны уцелеть). Или – как изящно и поэтично звучит: «В полночь нас ожидает очередной *вброс информации* из Центризберкома» (как будто речь идет о протуберанцах на Солнце)! Когда какой-нибудь вежливый политик хочет сказать, что его коллега по ремеслу - мерзавец и идиот, он изысканно повествует о том, что «предлагаемые оппонентом меры *контрпродуктивны*». Или еще перл: «Мы договариваемся с ними о *формате переговоров*» (воображению так и представляется «формат» этих откормленных рож, не вмещающихся в телеэкран). Не знаешь, чему больше дивиться – выразительной бедности подобного языка, его циничной откровенности или жалкому флёру «приличий», набрасываемому на неприглядную суть дела. А как вам нравится стыдливое выражение: «*у п р а в л я ё м а я д е м о к р а т и я*»? По мне, так это не меньший вклад в русский язык, чем словочетание «реальный социализм», родившееся в недрах эпохи «застоя» и выполнявшее функцию, сходную с функцией приведенной новорожденной идиомы...

В общем, как я и обещала вначале, обобщений не будет. Если хотите, обобщайте сами. А мне обобщать как-то уж слишком грустно.

Полина ЕЛИСЕЕВА

НОВОСТИ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ

В российской глубинке продолжается бурное возрождение духовности и возвращение к истокам, хотя порой этот процесс принимает весьма драматическую форму.

Так в городе Тамбове в духе времени решено воздвигнуть памятник в честь местного тотемического символа, покровителя всех "крутых" братков – Тамбовского Волка. Однако относительно видения образа этого легендарного персонажа, волнующего чувствительные и трепетные души «романтиков с большой дороги», обнаружились некоторые разногласия. Творцы памятника создали статую Тамбовского Волка с крылышками. А местный мэр, вероятно, воспитанный в лучших эстетических традициях критического реализма, отрицает наличие таковых крылышек у данного священного зверя (не Пегас, все-таки). Чья художественная концепция окажется жизненнее, - покажет время.

А вот на Вологодчине, в городе Кириллове, прославленном своим монастырем, местные предприимчивые головы предприняли попытку – прямо в духе постмодернизма с налетом язычества – создания музея Бабы Яги. Вероятно, им не давала покоя слава (и прибыль) Великого Устюга, недавно явочным порядком приватизировавшего Деда Мороза и объявившего себя его родиной и резиденцией. Однако приверженцы Бабы Яги, рассчитывавшие на ажиотаж и связанные с ним «бабки», жестоко просчитались. На их пути незыблемой и несокрушимой стеной встало духовенство их Кириллова монастыря, правомерно усмотревшее в зарождающейся инициативе опасную конкуренцию своей конфессии. По всем законам рынка конкурент (то есть бабягисты) был задушен святыми отцами, можно сказать, в колыбели. Ведь «духовность» в нашей стране давно уже (более тысячи лет) монополизирована сами знаете кем, и борьба за нее протекает вполне по Чарльзу Дарвину и Адаму Смиту. И эти сами знаете кто зорко следят, чтобы чуждые силы не проникли на занятую ими территорию. Как говорится, но пасаран! Поэтому-то получить, в рамках православного ареала, на ветхой и костяной (отчасти) Бабе новые «бабки» предприимчивым кирилловцам не удалось. Но ничего. В тех или иных формах духовность в России все же неизбежно будет возрождаться. Разумеется, под покровительством и в рамках, установленных правительством и партией (какой? вероятно, «Единством»). Так что не знаю, в каком обличье воздвигнется в Тамбове монумент одноименному волку, а вот повсеместных памятников и музеев в честь Медведя нам не избежать.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В первую очередь под глобализацией понимают глобальное объединение рынков и хозяйственных систем. В 1973 г. дерегулирование денежной системы на мировом финансовом рынке положило начало повороту к неолиберализму. Благодаря отмене привязки валют к золотому стандарту, возникли надгосударственные финансовые рынки. Благодаря микроэлектронным информационным и коммуникационным возможностям резко возросли объемы информации, что позволило устанавливать международные контакты в более широком объеме и одновременно намного быстрее.

Благодаря развитию микроэлектроники, - пишет немецкий политолог Лоренц Шретер, - сформировались новые производственные силы, которые позволяют находить рынки во всем мире с помощью спутниковой связи и новых управленческих и коммуникационных систем. Становится возможным непосредственное сравнение цен и качества продукции, поскольку «...почти повсюду... можно внедрить одинаково высокий уровень технологии и соответственно производить высокоценные продукты». Это ставит под вопрос преимущества, которыми обладали в конкурентной борьбе развитые индустриальные страны. В Китае печатаются немецкие телефонные книги; в Сингапуре - немецкий театральный журнал, который через Карибы доставляется в ФРГ; в Индии переводятся книги, которые через компьютерные сети попадают в другие страны и на другие континенты... «Гибкость массового производства обеспечивается вариативной автоматизированной технологией и новыми технологиями организации и управления, которые к тому же делают возможной реорганизацию процесса извлечения прибыли на уровне, выходящем за рамки отдельных предприятий» (Бишофф). С помощью этих современных технологий можно комбинировать в каждом случае наиболее выгодные с точки зрения издержек национальные зоны размещения производства. И, наконец, можно приспособить продукты к индивидуальным запросам, как это демонстрирует широта предложения в автомобильной индустрии. Бишофф считает системную технологию определяющим признаком, «моментом качественного скачка в новых концепциях рационализации».

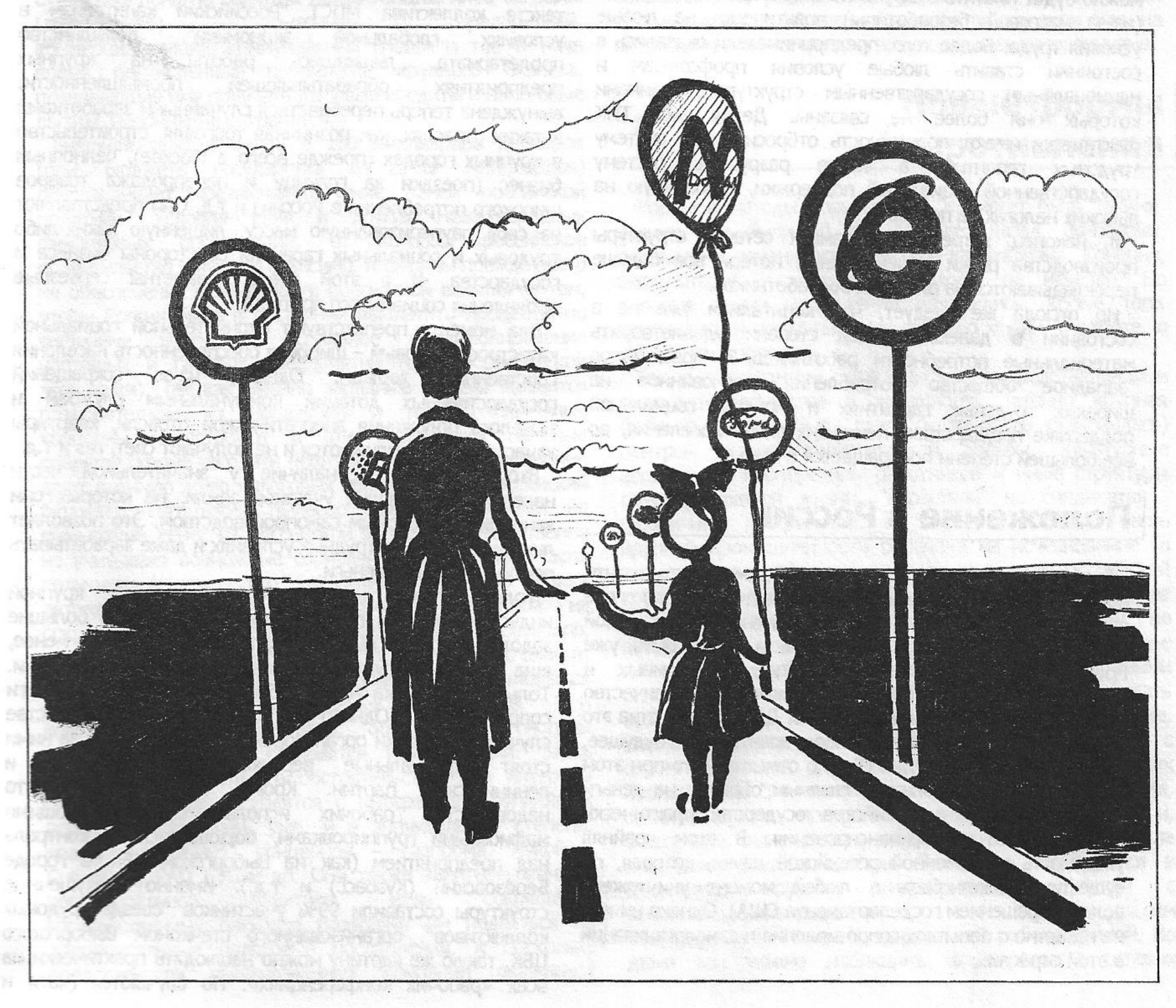
Впрочем, существуют разные объяснения причин, приведших к глобализации. По мнению крупнейшего современного немецкого левого политолога и экономиста Карла-Хайнца Рота, это, прежде всего, результат рационализации методов капиталистической эксплуатации, начавшейся вслед за мощной волной пролетарских и студенческих бунтов 60-х – 70-х. Напротив, Шретер, Курц и многие другие политологи и экономисты делают упор на технологические инновации, сделавшие возможной глобализированную форму капитализма. Наконец, существует точка зрения, что основной причиной глобализации стал нефтяной кризис (резкий подъем цен на нефть) 1973 г., погрузивший западную экономику в депрессию и заставивший корпорации и государства искать новые пути рационализации (т.е. усовершенствования методов эксплуатации).

Ясно одно. Глобализация мировой экономики стала свершившимся фактом. Глобальной экономике, основанной на мощных транснациональных корпорациях (ТНК), соответствуют новые гигантские государственные структуры, формирующиеся на наших глазах в рамках континентальных экономических блоков: НАФТА, ЕЭС и Азиатского блока (в который, видимо, войдут страны Юго-Восточной Азии и Дальнего востока). "Проблема, возникающая при глобализации, - пишет современный итальянский политолог Йоханес Аньйолли, - состоит в том, что вряд ли возможно организовать общественное воспроизводство на мировом уровне без наличия какой-либо политической инстанции. Если мы будем исходить из общественной реальности, из экономики и реальных общественных групп, слоев и классов, то заметим, что европеизация общества уже произошла. Уже в тот момент, когда движение капитала либерализируется и европеизируется, роль национальных центральных банков ослабевает, поскольку у них нет больше возможностей для контроля над совершенно неупорядоченным потоком капиталов. Иными словами, может возникнуть полный финансовый крах, если больше нельзя будет контролировать миграцию капиталов, в ходе которой за одну ночь тысячи миллиардов могут быть стерты в порошок, а через 2 дня снова реконструироваться. Чтобы взять эти движения под контроль, вероятно, будет снова необходимо найти соответствующую политическую форму, и она уже не будет выражаться в национальном государстве. Все время говорят о том, что из парламента в Страсбурге надо сделать настоящий парламент, общеевропейскую законодательную инстанцию". Таким образом определяется новая угроза усиления континентальных сверхбюрократий, а, может быть, и угроза мирового государства. Трудно даже представить себе размеры бюрократического аппарата и огромные контролирующие возможности этого монстра.

По всему миру распространились *сетевые экономические структуры*, находящиеся под контролем ТНК. Эпоха конвейеров и гигантских фабрик уходит в прошлое. Современный капитализм разрушает многие гигантские индустриальные комплексы, заменяя их сложными «цепочками эксплуатации»: сетью отчасти самостоятельных производственных подразделений, предприятий или даже индивидуальных работников. В рамках таких структур практикуется известная автономия участников производственного процесса, через элементы бригадного самоуправления, «кружки качества», «новую самостоятельность труда» и т.д. Теперь уже во многих случаях сами работники отчасти определяют формы и

методы производственного процесса, хотя при этом они же несут убытки, в случае неудачи. Подобные меры направлены на рационализацию процесса извлечения прибыли, т.е. служат интересам крупного капитала, придающего сетевым структурам форму «звезды» (Серджо Болонья), привязывающую их к эксплуататорским центрам концентрации капитала через систему работы по контракту. Эти изменения ведут как к росту самостоятельности работников, так и к их атомизации (так как теперь автономные индивидуальные работники или отдельные производственные подразделения находятся в процессе непрерывной конкурентной борьбы за заказы, получаемые из центра). Представляется, что процесс формирования сетевых структур, особенно тех из них, где используются новейшие технологии, - это процесс двойственный (с точки зрения формирования пролетарской автономии) – с одной стороны в этих сетевых структурах уже есть элементы квази-самоуправления, плюс к этому работники в какой-то мере контролируют не только процесс труда но и даже могут, до известной степени, распоряжаться его результатами (хотя, конечно, в реальности сохраняется финансовая зависимость от заказчика). Потенциально все это вместе ведет к интеллектуализации труда, к формированию элементов творческого отношения к труду, а значит к росту автономного потенциала пролетариата, к росту возможности преодолеть отчуждение .

С другой стороны, существует громадная, уже подтвердившаяся во многом опасность новых форм интеграции наемного труда капиталом. По сути дела, бизнес интегрирует творческий потенциал общества, ставит на службу своим интересам его стремление освободиться от монотонного и отчужденного труда. Важно и то обстоятельство, что сетевые структуры ведут к десолидаризации пролетариата, разбитого теперь на тысячи небольших конкурирующих между собой компаний. «Утвердился новый менталитет, – пишет Карл-Хайнц Рот. - Мы привыкли сходу критиковать и осуждать этот новый индивидуализм. Но у него есть и положительные аспекты. В нем скрыто требование суверенного распоряжения своим временем и права на самоуправляемое существование. Конечно же, это новое мировоззрение двойственно. Традиционные нормы и структуры распадаются от семьи до крупных

объединений. Этот процесс можно охарактеризовать и такими терминами, как десолидаризация, и возобладание права сильного для осуществления индивидуальных интересов».

Кроме того, процесс глобализации ведет и к падению уровня жизни огромной части людей, занятых в производстве. Во-первых, глобализация привела к разрушению замкнутых торговых экономических систем и к аграрно-капиталистической перестройке преимущественно общинного сельского хозяйства в странах Третьего мира. Следствием такой политики капитала стала колоссальная безработица и разрушение традиционного уклада жизни большей части населения планеты.

Во-вторых, капитал, который теперь уже не связан национальными рамками, может легко перемещаться по планете и ставить наемным работникам любые условия. Теперь вместо того, что бы вести переговоры с бастующими работниками в Детройте или Ливерпуле, куда как проще и выгоднее перенести предприятие куда-нибудь в Бразилию или в Пакистан, где работникам можно будет платить в 10 раз меньше и где они согласны (из-за массовой безработицы) практически на любые условия труда. Более того, предприниматели оказались в состоянии ставить любые условия профсоюзам и национальным государственным структурам, рамками которых они более не связаны. Делая это, ТНК фактически имеют возможность отбросить всю систему трудовых гарантий, а также разрушить систему государственной социальной поддержки, основанную на высоких налогах на прибыль.

И, наконец, в-третьих, в рамках сетевой структуры производства риски и неизбежные потери все больше перекладываются на плечи самих работников.

Но отсюда же следует, что капитализм уже не в состоянии в далеко идущей степени удовлетворять материальные потребности работников, и пресловутое "западное общество потребления", основанное на широких трудовых гарантиях и мощной социальной поддержке государством неимущих слоев населения, во все большей степени превращается в миф.

Положение в России

Говоря о специфике России, необходимо отметить, что новые формы производства характерны, во все возрастающей степени для современной российской науки, которая быстро превращается (а, может быть, уже превратилась) в сетевую структуру автономных и самостоятельных ячеек плюс некоторое количество людей, работающих индивидуально. Для большинства это означает отсутствие каких-либо гарантий на будущее, ухудшение условий труда. (Важно отметить, что при этом вся система функционирует главным образом на деньги западных фондов, а российское государство практически отказалось от ее финансирования. В этом крайняя уязвимость современной российской науки, которая, по существу, может быть в любой момент уничтожена волевым решением госдепартамента США). Однако ничего не известно о попытках сопротивления и самоорганизации в этой отрасли.

Известно о крупномасштабной попытке ввести сетевые децентрализованные структуры в таком важнейшем секторе российской промышленности, как нефтяная промышленность (нефть - одна из главных статей российского экспорта). В 90-е годы нефтяная отрасль начала (в ходе приватизации) дробиться на небольшие компании, при этом капитал по-прежнему был сконцентрирован в нескольких крупных компаниях, выступавших в роли заказчиков. Последствия такой эксплуатации нефтяных месторождений были катастрофическими, многие богатейшие месторождения вскоре стали непригодными для эксплуатации, так как небольшие компании обладали слишком малыми резервами капитала и вынуждены были добывать нефть с грубыми нарушениями всех норм производства. После таких катастроф эксперимент был подвергнут серьезной ревизии и, по сути, прекращен. Однако, очень мало известно о стачечном движении работников нефтяной промышленности.

Большая часть российской обрабатывающей промышленности обречена на исчезновение или уже исчезла. Причины этого явления подробно изложены в тексте коллектива МПСТ "Российский капитализм в условиях глобальной экономики". Большинство пролетариата, лишившись работы на крупных предприятиях обрабатывающей промышленности, вынуждена теперь перебиваться случайными заработками в таких отраслях, как розничная торговля, строительство в крупных городах (прежде всего в Москве), челночный бизнес (поездки за границу и перепродажа товаров широкого потребления в России) и т.д. Они представляют из себя пауперизованную массу, лишенную каких-либо трудовых и социальных гарантий со стороны бизнеса и государства. И в этой среде незаметны серьезные проявления социального протеста.

Два момента препятствуют окончательной социальной катастрофе. Первый – широкая обеспеченность населения собственным жильем. Однако, из-за сокращений государственных дотаций коммунальным службам и тяжелого положения энергетической отрасли, квартиры зачастую не отапливаются и не получают свет, газ и т.д.

Второй момент – наличие у значительной части населения небольших участков земли, на которых они занимаются аграрным самопроизводством. Это позволяет людям выживать в трудных условиях и даже зарабатывать порой небольшие деньги.

Только там, где сохранились острова крупной индустрии, на тех предприятиях, где имеются большие задолженности по выплате зарплаты и где, тем не менее, еще функционирует производство, случаются стачки. Только здесь пока можно обнаружить небольшие очаги сопротивления. Однако в подавляющем большинстве случаев эти стачки организованны авторитарно и за ними стоят официальные вертикальные профсоюзы и ленинистские партии. Кроме того, очень часто недовольство рабочих используется враждующими мафиозными группировками, борющимися за контроль над предприятием (как на Выборгском ЦБК, в городе Берёзовский (Кузбасс) и т.д.). Именно верхушечные структуры составили 99% участников "съезда трудовых коллективов", организованного стачкомом Выборгского ЦБК, такую же картину можно наблюдать практически на всех «рабочих конференциях». Но случаются (хотя и

крайне редко) стачки, организованные суверенными общими собраниями: примеры – стачка на ЯМЗ (Ясногорский машиностроительный завод), стачка московских строителей весной 1999 г. Обычно почва для таких выступлений имеется там, где трудовой коллектив состоит из работников высокой квалификации и где сохраняются человеческие отношения между работниками. Последнее возможно, например, в том случае, если речь идет о небольшом городе или рабочем поселке, где люди знают друг друга с детства (или, по крайней мере, долгое время) и где взаимовыручка и солидарность - не пустые слова. (Следует отметить, что громадный ущерб автономной самоорганизации работников наносят ленинистские партии - от крупных сталинистских группировок до мелких троцкистских сект. Они стремятся расслаивать движение, выделяя из него лидеров и пытаясь инкорпорировать их в свои партийные структуры. Ленинисты способствуют росту в рабочем движении коррупции и авторитарных настроений.)

Однако теперь формы сопротивления могут измениться в свете надвигающихся неолиберальных реформ. Экономическая политика путинского режима по-видимому будет нацелена на быструю приватизацию либо санацию (ликвидацию) убыточных предприятий, коммерциализацию коммунальных систем и т.д. В тоже время бесчисленные привилегии крупного бизнеса, позволяющие ему получать дешевые кредиты и налоговые льготы, несомненно сохранятся.

Внешняя задолженность в 150 миллиардов долларов (при бюджете государства в 25-30 миллиардов) обуславливает чрезвычайно узкие рамки российской политики. Условия МВФ и других международных финансовых организаций, от которых российское правительство тотально зависимо, нацелены прежде всего на обеспечение стабильности российской валюты (с тем, чтобы Россия была в состоянии выплатить проценты по внешнему долгу) и исправное функционирование нефтяных и газовых предприятий (остова российской экономики), так как именно западные страны являются потребителями их продукции и именно западные концерны инвестируют в эти корпорации немалые средства (кроме того, эти нефтяные и газовые монополии дают львиную долю налоговых поступлений в российский бюджет). Гигантский пылесос МВФ, нацеленный на вымывание денег из российской экономики, естественно не учитывает возможные социальные последствия такой политики. А между тем, требование «твердого рубля» автоматически ведет к политике, нацеленной на сокращение спроса, а значит и государственных расходов, к демонтажу некоммерческого сектора экономики. Значит, закрытие убыточных предприятий, являющихся получателями государственных кредитов, и коммерциализация медицины, образования, системы коммунальных услуг становятся неизбежными. Здесь необходимо отметить то обстоятельство, что интересы МВФ не так уж расходятся с интересами крупнейших российских (впрочем, уже, и в значительной степени, транснациональных) концернов – Газпрома, Лукойла, Сибнефти, РАО ЕЭС и др. Они также заинтересованы в неолиберальной политике, ведь сокращение государственных расходов позволяет им надеяться на дополнительные налоговые послабления. А поскольку представители вышеназванных компаний оказывают мощнейшее лоббирующее воздействие на власть, то они не меньше, чем МВФ несут ответственность за происходящее.

Неолиберальные реформы в экономике неизбежно предполагают быстрое сокращение нескольких миллионов рабочих мест, резкое удорожание коммунальных услуг и т.д. Поэтому серьезные протестные выступления могут стать реальностью. В отдельных регионах могут возникнуть зоны социального напряжения и это актуализирует попытки создания пролетарских сетей сопротивления. Однако следует учитывать, что и власти прекрасно осознают угрозу, потенциально исходящую от обездоленных слоев населения. В этом одна из причин централизации властной вертикали. Нечто подобное наблюдалось практически во всех странах, проводивших аналогичные реформы: от пиночетовской Чили до тэтчеровской Англии. Например, при Тэтчер, были существенно ослаблены в пользу центральной власти муниципальные органы и был усилен репрессивный аппарат. Невольно напрашиваются и другие аналогии путинской политики с политикой кабинета Тэтчер, который, стремясь смягчить и ослабить социальное сопротивление реформам, спровоцировал фолклендский кризис и войну с Аргентиной, заработав при этом очки на патриотической истерике и великодержавном шовинизме.

Новые формы сопротивления

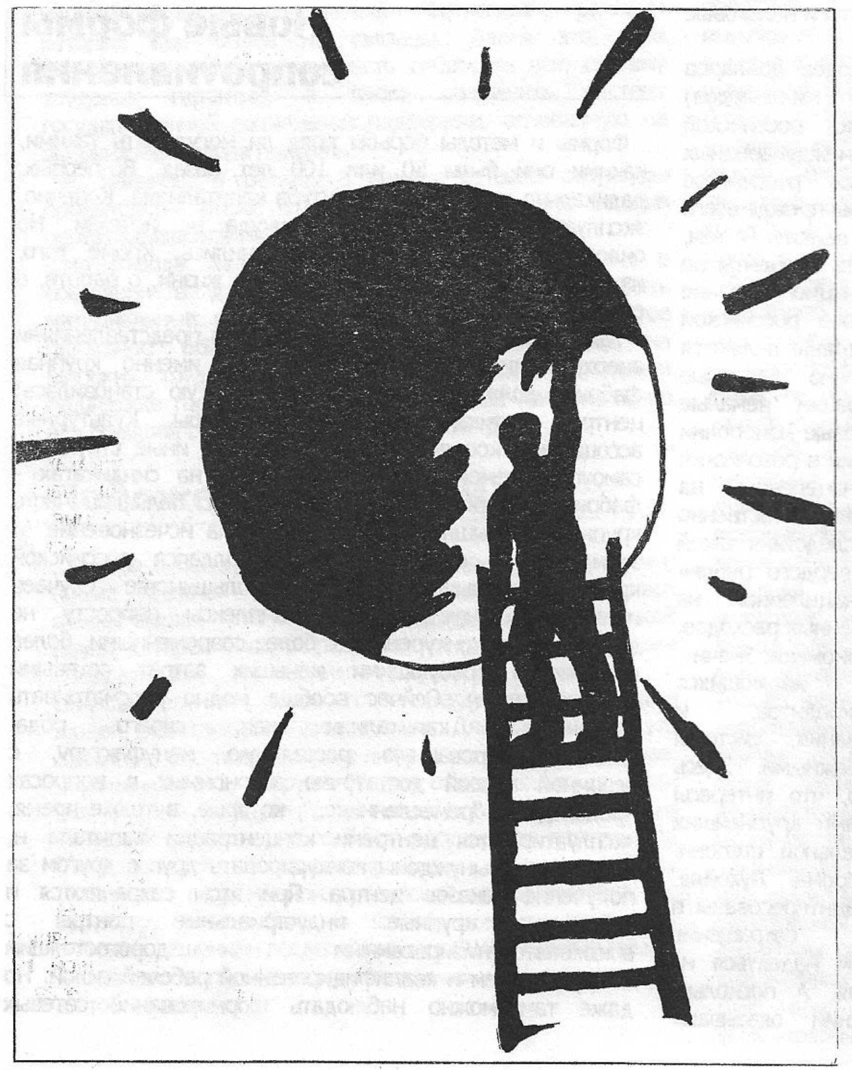
Формы и методы борьбы вряд ли могут быть такими, какими они были 50 или 100 лет назад. Во-первых, радикально изменилась структура капитализма. Конечно, эксплуатация и отчуждение никуда не исчезли. Но силовые линии напряжения изменились. Кроме того, изменились и представления людей о жизни, о работе, о свободном времени.

Так, в соответствии с традиционными представлениями анархо-синдикалистов и марксистов, именно крупная фабрика должна была стать (и зачастую становилась) центром антикапиталистической борьбы. Культурные ассоциации, кооперативы работников и иные структуры самоуправляемой жизни, "нарастали" на синдикатах - фабричных профсоюзах. Но сегодня большая часть крупной промышленности обречена на исчезновение (в этом, кстати, одна из причин коллапса российской крупной промышленности: в большинстве случаев гигантские индустриальные комплексы попросту не выдерживают конкуренции с более современными, более гибкими и требующими меньших затрат сетевыми агломерациями). Сейчас вообще модно рассматривать современный капитализм как, своего рода, компьютеризированную рассеянную мануфактуру, с огромной массой достаточно автономных в вопросах производства "ремесленников", которые, в то же время, эксплуатируются центрами концентрации капитала и, сверх того, вынуждены конкурировать друг с другом за получение заказов центра. При этом сохраняются и достаточно крупные индустриальные центры с высокоавтоматизированным дорогостоящим оборудованием и квалифицированной рабочей силой. Но даже там можно наблюдать формирование сетевых

структур (автономные бригады, кружки качества, конкурирующие между собой производственные подразделения и т.д.).

Что до сетевых групп и их агломераций, то здесь необходимы какие-то новые формы борьбы. Поэтому внимание должно быть, прежде всего, обращено на небольшие группы, созданные самими работниками на основе неформальных связей и вовлеченные в различные формы вязкого подспудного сопротивления эксплуатации (начиная с сотрудничества в деле сокрытия от начальства той или иной информации и кончая организованными актами саботажа – как это произошло в 1999 году на одной московской фирме, где работники разрушили новейшую японскую систему контроля над рабочим временем стоимостью в 4 миллиона долларов). С другой стороны, в нынешней ситуации, когда миллиарды людей во всем мире вовлечены в самостоятельную трудовую деятельность под контролем ТНК (начиная от самостоятельной обработки земли или мелкой розничной торговли и кончая индивидуальной научной работой "на гранты") и подвергаются тяжелой эксплуатации со стороны центров концентрации капитала, которые они обслуживают, среди этой категории работников будут складываться, а кое-где в мире уже складываются, новые формы сопротивления - начиная от коллективных захватов земли и жилья и кончая созданием потребительских и производственных кооперативов с тем, чтобы противостоять ценовому диктату крупных компаний (например MST – движение безземельных крестьян в Бразилии).

Те, кто наблюдал крупные стачки или участвовал в них, знает, что в роли их инициаторов (в самом лучшем случае, когда стачка не контролируется вертикальными бюрократическими профструктурами) выступает небольшое неформальное ядро, сложившееся именно в ходе подспудного сопротивления эксплуатации. В начале XX века, в эпоху, когда капитализм еще не окончательно разрушил общинный или ремесленно-цеховой менталитет трудящегося населения, эти солидарные элементы *доиндустриальной* культуры оказывали несомненное влияние на работников и способствовали развитию совместных автономных действий. Но в условиях современного капиталистического общества большинство работников представляет собой атомизированную массу. Конечно, эта атомизация может и должна быть преодолена в ходе ассамблеарных стачек, организованных на основе прямой демократии суверенными общими собраниями, когда возникает новое *коммуникационное пространство.* И все же инициаторами "диких" стачек всегда становятся небольшие группы работников, между которыми *уже* сложилось определенное взаимное доверие и наладилось общение. В результате возникает своего рода разрыв между динамичным меньшинством, способным к коллективным действиям, и атомизированным большинством.

С одной стороны, так бывает всегда и, в конце концов, большинство бастующих работников учится самоуправлению в ходе ассамблеарно организованной борьбы. С другой стороны, в ходе больших стачек велика опасность выстраивания новой иерархии и преследования неформальным ядром своих собственных интересов, отличных от интересов других членов трудового коллектива. *Не исключено, что большое либертарное движение станет по-настоящему возможно только тогда, когда все общество будет буквально "оплетено" сетью маленьких групп сопротивления, действующих на производстве, в научной лаборатории, в университете, в жилых кварталах, – сетью неформальных ядер, связанных между собой в федеративную сеть.* Ярким примером такого рода активности может служить борьба самоорганизованных групп работников в огромном промышленном районе Фаридабад-Дели (Индия), входящих в ультралевое объединение «Комьюнист Кранти». Эта неформальная сеть, действующая на 50 предприятиях

региона, широко применяет такие методы борьбы, как замедление темпов работы, саботаж тех или иных требований менеджмента, вывод из строя оборудования, широкое оповещение трудящихся региона о положении на различных фабриках. Интересно, что ситуация в регионе Дели-Фаридабад все сильнее напоминает российскую: там широко распространено такое явление, как невыплата зарплат. Поэтому работниками часто выдвигаются требования ликвидации задолженности.

Старые представления революционных синдикалистов, базировавшиеся на триаде - страна, отрасль, крупная фабрика, – потеряли смысл в условиях экономики глобальных сетей. Теперь нужно говорить скорее на уровне принадлежности тех или иных групп работников к одной и той же ТНК, хотя бы они находились в разных частях света, об участниках научных и производственных проектов, связанных современными средствами коммуникации в единую систему эксплуатации, а с другой стороны нужно говорить о локальных проблемах квартала, микрорайона, о местном самоуправлении - с тем чтобы, по выражению итальянского левого политолога Марко Ревелли, "поставить местное измерение впереди национального, а конкретность малых размеров впереди универсальных масштабов политики".

В условиях глобализации резко возрастает необходимость формирования международной сети сопротивления, способной противодействовать в разных странах и регионах планеты одной и той же ТНК или какой-либо иной международной экономической либо политической сверхструктуре. В ситуации, когда предприниматель оказывается в состоянии перебросить капитал с одного континента на другой, а развитие государств приводит к появлению элементов мирового правительства (в лице той же самой Большой Семерки), усилия по формированию такой сети сопротивления приобретают особое значение. Примеры такого взаимодействия демонстрируют сегодня некоторые группы, входящие в анархо-синдикалистский интернационал Международная ассоциация Трудящихся (МАТ, IWA), проводя совместные международные компании против различных фирм (в Испании и во Франции), использующих особенно тяжелые и унизительные для работников формы эксплуатации. Другим примером такого рода является стачка проведенная работниками американского предприятия в штате Миннесота совместно с их коллегами на итальянском предприятии, принадлежавшем той же компании.

24 августа 1990 г. 143 рабочих сталелитейной фирмы «MEI/GST в Дулуте (штат Миннесота, США) начали забастовку, практически не получив поддержки от профбоссов (рабочие фабрики входят в АФТ-КПП – американский аналог ФНПР). Администрация отказалась от каких-либо переговоров. Альянс рабочей солидарности – (американская секция МАТ), организовавший в Миннесоте широкую «сеть за права рабочих», оказал помощь участникам забастовки. При содействии товарищей из итальянской секции МАТ была проведена встреча между представителем «сети рабочей солидарности» и активистами профсоюза, действующего на отделении GST в Новаре (Италия). В результате этих контактов итальянские рабочие приняли решение провести серию забастовок солидарности с их коллегами в Миннесоте. Вскоре после этого администрация предприятия в США вынуждена была впервые за 6 месяцев борьбы согласиться на переговоры с бастующим коллективом.

Наконец, примером международного взаимодействия могут служить последние акции противников глобализации в Сиэтле и Лондоне, хотя широкое участие в этих акциях бюрократических организаций (официальных профсоюзов, бюрократических экологических объединений), а также состав участников (среди которых, по крайней мере в Лондоне, преобладали наркоманы-рэйверы) мягко говоря, вызывают вопросы и ставят под сомнение смысл акций. Да и сама по себе идея устроения уличных хэппенингов вряд ли является разумной, это скорее всего – нечто вроде выпускания пара. Разбитые витрины магазинов (застрахованных на крупные суммы, так что их владельцы не понесли никакого ущерба) и забрызганные рвотой улицы ничего и никому не доказывают. Иное дело - акты саботажа на дорогостоящем современном производстве, стачки, блокады экологически вредных объектов – все эти действия наносят большой ущерб капиталу и государству и хороши тогда, когда организуются прежде всего местными активистами, т.е. людьми, которых непосредственно и в первую очередь касается происходящее, а не толпой заезжих неформалов. Только если борьба организована местными активистами (хотя бы и при активном участии людей со стороны), в ходе ее могут усилиться и обрести серьезное общественное значение структуры сопротивления, ибо в них приобретают опыт самоуправления тысячи обычных людей. Особою роль играет здесь интернациональный аспект движения. Требования большинства участников демонстраций протеста в Сиэтле, настаивавших на сохранении сильного национального социального государства, являются своего рода консервативно-фундаменталистской, националистической (а не либертарной) реакцией на глобализацию. Что означают, к примеру, требования не допустить вывоз капитала за границу или требование защитить национальную промышленность? Это фактически означает намерение не допустить создание рабочих мест в другой стране и обрекает ее жителей на безработицу. Напротив, действия стачечников в Италии и США поставили во главу угла интернациональное измерение.

Возможно, будущее за децентрализованными структурами сопротивления на базе небольших тесно спаянных местных коллективов, способных как к локальным действиям по конкретному поводу, так и к широкой международной кампании, благо, современные средства коммуникации позволяют координировать усилия не только транснациональному капиталу. Но для того, чтобы деятельность таких коллективов была эффективной, необходима не только правильная форма организации, но и ясное осознание этими коллективами либертарной перспективы, по ту сторону частной собственности, рынка и государственности.

Михаил МАГИД

КАЖДОМУ СВОЕ?

Национальный вопрос, вне всякого сомнения, является одним из главных вопросов современности. Столкновение цивилизаций, культур порождает проблемы, от которых невозможно уклониться. Естественно, предлагаются различные решения этих проблем.

С одной стороны свое решение предлагает современная массовая культура. Это решение заключается в растворении народов в едином культурном пространстве, в принятии различными народами общих ценностей – ценностей рынка, коммерции, материального обогащения. В перспективе предполагается создание мирового государства и бизнес-империи. С другой стороны звучат призывы защищать национальные культуры и государства. Сторонников этого варианта можно разделить на патриотов-державников, призывающих к сохранению существующих национальных империй и сепаратистов, сторонников так называемыми «национально-освободительных движений». Наконец, некоторые левые либералы призывают к диалогу культур, к созданию многокультурного общества. Вот тот спектр мнений, который существует по данному вопросу. Другие точки зрения маргинальны и почти никем не принимаются в расчет. Где же ответ на вопрос, где же решение? Есть ли оно вообще? Выход ли во всеобщей искусственной унификации? А может, правы были нацисты, написавшие на воротах Бухенвальда известный лозунг: «Каждому свое»?

Но что же такое культура? Этот вопрос в высшей степени уместен, о культуре ведь все рассуждают, вот, глядишь, ее уже и собираются защищать, но никто не спрашивает – что же это такое. Почему-то никого не волнует этот вопрос (исключения редки, скажем, Ганди этот вопрос волновал, но его движение и не было типичным «национальным освобождением», в нем присутствовали элементы либертарных концепций самоуправления и идея духовного синтеза Запада и Востока). Для одних своя культура – пьянство и походы в церковь по воскресениям, а для других – курение анаши и походы в мечеть по пятницам. Какой же в таком случае может быть диалог культур? Никакого диалога культур не получится, люди не в состоянии понять *себя,* так каким же образом они могут понять друг друга? Или, может быть, пьянство, гашиш и церковь смогут этому поспособствовать? Но жизнь говорит об обратном. Церковные иерархи раздувают тлеющие угли конфликтов по всему миру: на Ближнем Востоке, в Северной Ирландии, на Цейлоне, в России, на Кавказе.

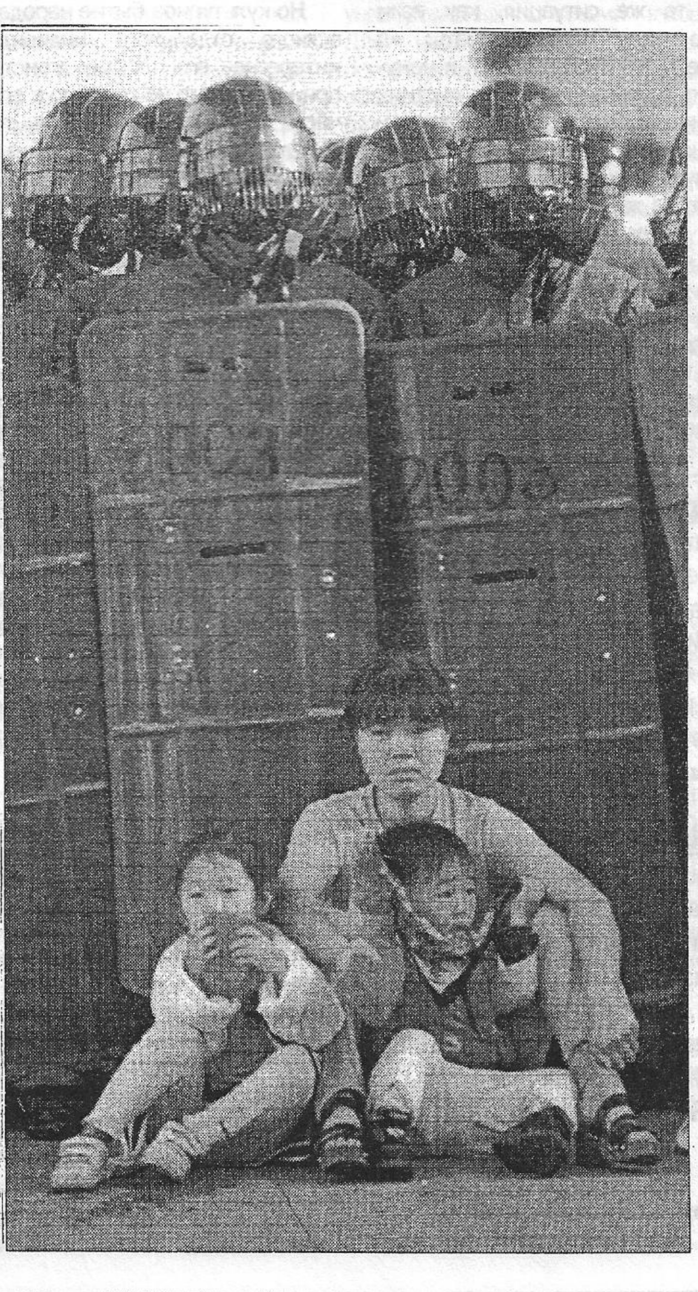
Националисты всех мастей, русские, чеченские, еврейские, немецкие, какие угодно, опираются обычно на примитивные карикатурные мифы о культуре других народов. Ибо для национальных «освободителей» и «защитников», для «истинных патриотов» и «борцов за свободу» важно, прежде всего, выстроить образ врага. С культурой, как таковой, мы разберемся когда-нибудь потом, а сейчас важно победить любой ценой. А цель, ну это и ребенок сегодня знает, оправдывает средства. А потому: евреи – трусливые и жадные, кавказцы – жестокие, негры – тупые и грязные, русские – алкоголики и лодыри, немцы – педанты и т.д. И нельзя сказать, что эти мифы абсолютно не соответствуют действительности, увы, культурная деградация народов порой приводит к тому, что они и в самом деле все больше становятся похожи на свои карикатурные изображения. Уплощение культуры выводит на поверхность такие типы, как Ельцин, Березовский или Салман Радуев. Конечно, можно сказать, что нельзя судить обо всех людях, принадлежащих к данному народу лишь на основании поведения отдельных его представителей, и это верно, но все же отвратительные черты, специфически присущие всякой данной культуре, порой выпячиваются на поверхность и заполняют собою принадлежащее ей пространство. Но что же из этого следует? Что надо «мочить их всех, чтоб над головой не маячили»? Да, по логике любых националистов (державников или сепаратистов) с «вражеским» народом нельзя обращаться по-человечески. Помните известное стихотворение времен второй мировой войны: «Если ты встретишь немца, убей его!». Но если мы еще не окончательно впали в безумие, то следует все же поискать другой ответ на вопрос, что же делать в ситуации этнического конфликта. Однажды к Ганди пришел индуист, который признался в том, что участвовал в погромах против мусульман и убил ребенка. Теперь же он не знает, как жить. Ганди ответил ему так: «Найди ребенка, родители которого погибли во время погромов и воспитай его, как своего сына. Только помни, что ты должен воспитать его в мусульманской вере». Наверное, эта ситуация по своему уникальна и здесь нет какого-то универсального ответа на интересующий нас вопрос. Может быть, Ганди был не прав, предлагая такое решение или прав, только применительно к данному случаю. Кто знает? Вообще, можно сказать о политике Ганди и об идеях ненасилия много плохого и это, наверное, будет справедливо. Но здесь важно то, что кто-то пытался, по крайней мере, найти альтернативу безумию.

Предложение некоторых людей и коллективов запросто «аннигилировать народы» мало кого может вдохновить. Меня, например, не вдохновляет. Мне, например, неприятно было бы жить в таком мире (не в смысле отсутствия государственных границ – против этого я, как раз, ничего не имею, - а в смысле отсутствия

самости), в мире, лишенном культурного своеобразия, творческой мощи, в мире, сведенном к унылой одномерности искусственного языка (наподобие эсперанто) и к постному усредненному существованию. Кроме того, миф об искусственном конструировании новой культуры и нового человека уже не раз демонстрировал свои откровенно тоталитарные черты. Причем, как в «космополитическом» так и в «национальном» исполнении. Таков Израиль, где победившее национально-освободительное еврейское движение (сионизм) сознательно уничтожало тысячелетние культуры европейского еврейства («идиш») и восточного еврейства («иудео-арабскую»), заменяя их синтетической унифицированной культурой («иврит»), с тем чтобы «превратить нацию ремесленников и торговцев в нацию рабочих, крестьян и солдат», как гласил официальный лозунг. Такова Северная Корея, где от древнейшей культуры не осталось ничего, кроме всеохватывающего деспотизма. Это крайние примеры. Но историки школы «Анналов» показали, что любое государство, укрепившись на определенной территории и, защитив ее от других государств, начинало проводить политику унификации, сводя на нет гигантское культурное своеобразие различных регионов, с тем, чтобы воспитать послушный, управляемый, и, что особенно важно, *одинаково мыслящий* народ. Такой народ, представители которого уже не могли бы сказать – это не мое государство.

С другой стороны, современная массовая культура, похоже, также способствует именно такому развитию событий. Действительно, поведение и стереотипы жителей современных мегаполисов от Бомбея до Нью-Йорка заставляют думать, что современный капитализм с его неизбежной ориентацией на массовое потребление и массовую культуру и в самом деле способен все свести к некой «Норме», отклонение от которой будет считаться пагубным заблуждением и караться (как в рассказе Роберта Шекли). Но к счастью, кроме схем, которыми наша логика пытается связать мир по рукам и ногам, есть еще сама жизнь, которая не укладывается ни в какие схемы и отторгает рано или поздно все искусственное, жизнь, которая взламывает любые границы и преодолевает любую одномерность.

Защитники массовой культуры как и те, кто выступает за «национальное освобождение», приводят зачастую тот аргумент, что большинство людей и не способно воспринимать высокие проявления культуры. Поэтому люди в большинстве своем предпочитают слушать попсню, а не ходить, к примеру, в консерваторию. Только вожди, только элиты могут рассуждать о высоких материях и формулировать способы решения тех или иных стратегически важных проблем, а простым людям это недоступно. Однако, в основании подобных утверждений лежит ложь. Народная культура, в отличие от современной, массовой, не всегда была примитивной и пошлой. Вопреки расхожему мнению, многое из того, чем сегодня восхищаются туристы, вовсе не было результатом проектов нескольких интеллектуалов, работавших по заказу правящих элит. Наиболее ярким опровержением таких утверждений является готика – народная, городская архитектура европейского средневековья. Те, кто видел древние города Европы (или, вернее, то, что от них осталось) знает: в отличие от современных городов, они были живыми. Поезжайте в Прагу, побродите по ее улицам (этот призыв обращен не к сторонникам масс-культуры или патриотам-державникам – вам, господа, в Праге нечего делать, вы ее загадите). У этого города есть душа, его строили люди и строили они его для людей. А музыка! Народная музыка кельтов или литовцев, тамилов или индейцев кечуа – сложна, гармонична, возвышена. Под сводами готических соборов, в переливах музыки кечуа, мы встречаем одно и тоже – то самое, чего мы лишены в повседневности

– живую радость бытия. И неправда, что большинство людей неспособно к творчеству, просто современная массовая культура апеллирует к самым темным, самым низменным сторонам народной души. Да, в людях много темного, дурного, много такого, что вызывает отвращение, поэтому унифицирующая массовая культура имеет шансы на успех. И в этом она, как ни парадоксально, оказывается по одну сторону с национализмом.

Национализм есть, как кажется, поверхностное приятие *всего*, что имеется в культуре данного народа. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что во главу угла национализм ставит *интересы* народа. При этом все, что служит интересам, под которыми здесь понимают, главным образом, экспансионистские устремления этого народа, объявляется истинным, а все, что им противоречит – ложным. Национализм есть, своего рода, коллективный эгоизм и субъективизм, субъективизм в своей тотальности. Это та же ситуация, как если отдельный человек вместо того, чтобы сказать: «я причастен к истине, т.е. к чему-то глубочайшему, к чему-то, что еще только предстоит открыть», говорит: «истина – это я». Иначе говоря, я как субъект, мои интересы, желания, фантазии превыше всего. А затем, на смену индивидуалистической формуле софистов – «человек есть мера всех вещей» – приходит та же самая идея, но уже в коллективистском варианте: «Германия превыше всего!» – т.е. интересы Германии – мера всех вещей. И вот, каждый народ «меряет мир» на свой лад.

Аргументы национально-освободительных движений, по сути, ничем не отличаются от аргументов державников и сторонников империй. Строго говоря, угнетенные народы просто воспроизводят имперскую логику на том уровне, на котором им это доступно. Нет сомнений в том, что чеченское государство точно так же заинтересовано в экспансии на Кавказе, как и российское – рейды боевиков в Дагестан это подтверждают. Однако, Чечне, в настоящий момент, не под силу проводить имперскую политику в тех масштабах, в которых ее проводит Россия.

Какое развитие чеченской или афганской или палестино-арабской культуры может иметь место в условиях правления тех, кто представляет национально-освободительные движения в вышеуказанных регионах? Ясно какое. То самое. Которое мы уже видели в условиях тоталитарных и авторитарных режимов, таких как северокорейский, кубинский или израильский. Все то же самое – те же горящие глаза, толпы, попирающие ногами ненавистные имперские символы, а дальше – грязь, кровь, репрессии, фанатичные поначалу, а потом – суконные лица вождей, флаги, вымпелы, субботники, неоплаченный сверхурочный труд на дымных фабриках по производству оружия. Одним словом – романтика.

Но культурное бытие народа, как и, собственно, бытие всякого отдельного индивидуума - шире, глубже, интереснее его плоских эгоистических устремлений. Оно принципиально не сводимо к его эго. Поиск смысла бытия через индивидуальное, будь то отдельный человек или отдельная культура, резко отстраняется как от национализма, так и от массовой унифицирующей псевдокультуры, он персоналистичен, но не эгоистичен, индивидуальное необходимо ему для того, чтобы через неповторимые и уникальные черты открылось *универсальное*.

Существуют ли общие для всех людей основания культуры? Когда Освальд Шпенглер опубликовал свою знаменитую книгу «Закат Европы», началась активная полемика, посвященная данному вопросу. Шпенглер утверждал, что разные культуры непроницаемы друг для друга, «герметичны», что каждая из них обладает собственной системой этических, эстетических и даже пространственно-временных координат и абсолютно самодостаточна. Один из критиков возразил ему так: «Господин Шпенглер, если вы правы, то как вам, европейцу, удалось так удачно, так достоверно, с таким изумительным художественным вкусом, описать различные цивилизации»? Действительно, аргумент о взаимной непроницаемости культур не выдерживает критики. Как же стало возможно тогда, что европеец испытывает почти религиозный трепет при виде живописи китайского средневековья, а индус восторгается картинами итальянского возрождения? Взаимная открытость культур проявляется, прежде всего, в том, что представители этих разных культур вообще способны вступать в общение. Если бы различные культуры не имели какого-то общего фундамента, это было бы невозможно, мы не только не смогли бы вступать в общение, но, вероятно, даже не считали бы друг друга людьми. Инокультурный мир был бы попросту невидим для нас. Кстати, в каком-то смысле, это и происходит, когда люди начинают мыслить субъективистскими националистическими категориями. Они именно перестают считать людей других культур – людьми. Это одна из самых опасных иллюзий, с какими только люди сталкивались. Это сокрытие самого подлинного – открытости, которая позволяет нам видеть вещи такими, какие они есть.

В следующем номере «Наперекора»:

- Ситуационистский Интернационал и книга Ги Дебора «Общество зрелища»
- «Анархические письма» Петра Рябова. Письмо четвертое (о революции)
- Был ли капитализм неизбежен и прогрессивен по сравнению со средними веками?
- Творчество Урсулы Ле Гуин
- История организации «анархистов подполья»

Вы можете заказать «Наперекор» №10:

- Демократия и антифашизм
- Анархизм и/или радикальный гуманизм?
- Социальная философия Андре Горца
- Либертарный коммунизм или экологическая катастрофа?
- Эстетический социализм Уильяма Морриса
- Луддиты: памяти машиноборцев
- Анархо-коммунизм в Японии

и многое другое

Условия подписки на второй странице обложки.

Правда, легкость, с которой мы вступаем в общение, обманчива, за ней часто скрываются бездны непонимания. И все же люди могут порой понять друг друга – а это главное.

Увы, все подвергается огрублению. Так Германия от плодотворных поисков романтического искусства, с его идеей о принадлежности немецкой культуры всему миру, перешла в XX столетии к грубым попыткам навязать всему миру свою эгоистическую волю, она перешла к почитанию своего милитаризованного государства и к пошлому преклонению перед «священными национальными ценностями» – бережливостью, педантизмом, семейным уютом.

Но это лишь подчеркивает необходимость более фундаментального подхода к проблеме. Нельзя сказать, что среди анархистов (либертарных социалистов) вообще отсутствует понимание подобных проблем. Один из ведущих теоретиков анархизма Рудольф Рокер видел коллективное бытие человеческого общества – как федерацию самоуправляющихся регионов, сохраняющих и развивающих свои культуры. Возможно, когда-нибудь, человечество придет к такому решению. Но для этого необходим диалог культур и интенсивный поиск общих оснований человеческого существования. Это сложно, трудно. Порой, кажется, что это невозможно. Однако выбора у нас нет, ведь в противном случае волны насилия, этнического и религиозного фундаментализма захлестнут земной шар.

Существует мнение, что в ходе самоорганизованных пролетарских выступлений, когда люди начинают думать и учатся взаимодействовать, межэтнические противоречия снимаются. Но хотя под такого рода утверждениями и имеется определенная почва (в этом я, отчасти, убедился в Ясногорске, где примерно полгода существовала самоуправляемая рабочая организация), все же они меня не убеждают до конца. Человек, в любом случае, принадлежит к определенной культуре и языку, хочет он того или нет (иногда к нескольким культурам и нескольким языкам, но это суть дела не меняет). Мы мыслим на определенном языке, а не абы как. Это не означает, что мы существуем в «герметически замкнутых культурных системах». Как раз наоборот, именно принадлежность к определенному культурно-языковому пространству позволяет человеку воспринимать мир, «стоять в открытости миру», как сказал бы Мартин Хайдеггер, а значит и вступать в общение с представителями иных культур. Только вот вопрос: ради чего? Что если ради того, что бы торговаться на рынке? Рост ксенофобии и ультраправого влияния в современном мире – это, в сущности, болезненная реакция на многокультурный характер современного социума и на неспособность впавшего в маразм либерализма решить данную проблему, предложив идею синтеза либо взаимодействия различных этнокультурных сообществ. Какое там взаимодействие, когда все против всех, в вечной конкуренции за работу, деньги, товары, ресурсы, за место под солнцем?

Но одна вещь все же обнадеживает. Когда у людей появляются вопросы, они становятся открыты для *полемики*. Когда люди, столкнувшись с ситуацией отчаяния и полнейшей безнадежности, пытаются решать свои проблемы сами, когда они собираются в круг, делятся своими впечатлениями и мыслями, пытаются *найти общий язык*, нащупать общий подход к проблеме, тогда появляется шанс понять друг друга (и себя самого) по настоящему глубоко. Тогда мысли приобретают легкость, а жизнь становиться осмысленной. Суверенное общее собрание, где все равны при обсуждении и принятии решений, круг, ting – может быть, это и есть способ налаживания глубочайшего взаимопонимания? Увы, людям необходимо дойти до крайней точки отчаянья, прежде чем возникнет сама *потребность* в таком взаимопонимании.

Для развития культур необходима свобода – возможность спонтанного самовыражения. Возможность широкого социального и духовного творчества, основанного на самодеятельности людей. Только так отдельные люди и народы смогут получить индивидуальный опыт, необходимый для раскрытия универсальных оснований человеческого существования. Для националистов (имперских или национально-освободительных) этот путь всегда закрыт. Для них общество и государство слиты воедино, они не видят разницы между этими двумя вещами. А потому, прямо или косвенно способствуя развитию и укреплению унифицирующей, централизованной и экспансионистской машины государства, они всегда будут приносить самобытную народную культуру на алтарь эгоистических «интересов» и «национальных ценностей». (Точно так же препятствуют спонтанному самовыражению людей любые иерархические системы, основанные на принципе авторитета, например, частные корпорации и церкви).

Имеют ли эти «интересы» и «ценности» определенную укорененность в нашей культуре? Да. В нас самих и в наших культурах много всего намешано, и горячего и холодного. Что же из того? Тем важнее для нас избавиться от этой грязи. Иная точка зрения говорит, что правильно все, за что выступает традиция. Т.е. раз нам наша культурная традиция говорит, что русские нас всегда убивали, значит так и есть и от русских надо избавляться. А если старинная молва говорит, что евреи пьют кровь христианских детей на пасху, то значит, евреев нужно мочить. Все зависит от того, к какому народу вы уже принадлежите, в рамках какой культуры мыслите. Принимать решения самим нет необходимости, за вас уже все решила культурная традиция и говорящие от ее имени вожди.

Эта нехитрая мысль в трактовке постмодернизма выглядит как утверждение, что правы все. Ведь культур много. Поскольку правы все, в том числе и те, кто друг друга хочет уничтожить, то борьба всех против всех есть неизбежность. «Война (в оригинале – *полемос*) основа всего», - именно так социал-дарвинизм и фашиствующий постмодернизм понимают изречение греческого философа Гераклита. А, по самому большому счету, прав оказывается, конечно, тот, кто сильнее. В этом едины и немецкие нацисты, и русский фашист и державник Александр Дугин, и чеченские боевики-националисты. Идея ведь у них одна. *Каждому свое!*

Михаил МАГИД

АНТИ-ДУГИН[1]

радикальный гуманизм против «неожиданного синтеза» (что-то вроде манифеста)

Эта статья представляет собой запоздалый отклик на вышедшую в 1997 году в издательстве «Арктогея» книгу Александра Дугина «Тамплиеры пролетариата». Точнее - на её первую часть, которая называется «Метафизика национал-большевизма» (или «Неожиданный синтез»), и в которой автор концептуально обосновывает свой ярый анти-гуманизм.

Исторически понятие «национал-большевизм» связано с национально-государственнической тенденцией в большевистской революции. Известно, что одним из первых на эту тенденцию обратил внимание участник белого движения В.В. Шульгин. «Белые», - честно признается он, - из «почти святых» выродились в «почти разбойников», но белое дело, тем не менее, победило. Белая идея просочилась через линию фронта и незаметно поглотила своих изначальных врагов. В результате, - говорит Василий Витальевич о событиях 1920-го года, - «красные» бессознательно сражались и проливали кровь за восстановление «Богом хранимой Державы Российской», а не за мифический «Интернационал».

Та же тенденция отмечена в вышедшем в 1921 году в Праге сборнике «Смена вех», положившем начало одноимённому явлению - «сменовеховству». Отмечая воспетый Александром Блоком стихийный, глубинный, «азиатский» характер российской революции, авторы сборника в то же время не без гордости рассматривали её как славную страницу истории. Большевики для них стали той силой, которая смогла покончить с «анархической» фазой революции и взять на себя дело строительства обновлённой Державы. «В настоящий момент чаяния советской власти и жизненные интересы Российского государства совпадают», - говорил Устрялов, один из авторов сборника. «История заставила русскую "коммунистическую" республику, вопреки её официальной догме, взять на себя национальное дело распавшейся было России, а вместе с тем восстановления и увеличения русского международного удельного веса», - это из статьи С.С. Чахоткина, другого автора «Смены вех».

Дугин называет сменовеховцев «белыми» национал-большевиками. Шульгина он не упоминает, но в том же духе говорит о «красных» национал-большевиках - как о коммунистах, «которые ориентировались на сохранение Государства и (сознательно или нет) продолжали геополитическую линию исторической миссии великороссов» (Ленин, Сталин, Радек и др.).

Это - «в русском контексте», но, - по крайней мере, по Дугину, - в историческом национал-большевизме существует и «немецкий контекст»: «В Германии аналогичное явление было связано с крайне левыми формами национализма 20-30-х годов, где сочетались идеи неортодоксального социализма с национальной идеей и позитивным отношением к Советской России». Сюда он относит «консервативного революционера» Эрнста Никиша и Эрнста Юнгера, «крайне левых нацистов» - таких, как Отто Штрассер и в определённый период Йозеф Геббельс, - а также ряд других деятелей.

Затронув исторический аспект, автор «Метафизики...» переходит к теоретическим построениям, из которых читатель вскоре узнаёт, что современный «национал-большевизм» - явление несравненно более широкое и всеобъемлющее, чем его историческая версия. Отправной точкой для Дугина становятся идеи либерала Карла Поппера о делении всех типов общества, всех социальных и философских теорий и систем на две большие группы - «открытое общество» и «враги открытого общества». «Открытое общество», - согласно Попперу, - исходит из первичной ценности любого индивидуума, персоны; враги «открытого общества» - от Платона до Гегеля, Маркса и др. - ставят во главу угла надперсональный Абсолют.

Поппер относит себя к безусловным сторонникам «открытого общества». Дугин, соглашаясь с ним в части теоретической схемы, в ценностном отношении меняет местами «плюс» и «минус». «"Открытое общество" есть конечный и самый законченный результат индивидуализма, превращённого в идеологию и осуществляемого в конкретной политике, - справедливо замечает он. - Но закономерно поставить вопрос и о максимально общей идеологической модели сторонников "объективного" подхода, об универсальной политической и социальной программе "врагов открытого общества"». Такой идеологией Александр Дугин провозглашает «национал-большевизм», который «не просто одна из враждебных такому обществу ("открытому" - А.К.) идеологий, но именно его полная и сознательная антитеза»; «национал-большевизм - это сверхидеология, общая для всех врагов открытого общества».

Но вот вопрос - насколько действительна эта антитеза: либерал-индивидуализм - тоталитаризм («национал-большевизм»), - разделяемая как Дугиным, так и Поппером и всеми их сторонниками? Прежде, чем отвечать на него, - несколько ремарок.

[1] Название в слегка изменённом виде позаимствовано у Фридриха Энгельса.

* * *

Такое социально-психологическое явление, как человеческое стремление подчиниться надчеловеческому «абсолюту», уже достаточно давно исследовал и описал Эрих Фромм, назвав «бегством от свободы»[2]. Коварные Ножницы Эволюции! - мы научились задаваться вопросами о смысле своего существования, и эта способность в нас обогнала развитие готовности к ответам на них. Сначала ответы давали традиция и церковь, но люди ещё немного подросли и освободились от их опеки. И что же? - «Одиночество, страх и потерянность остаются; люди не могут терпеть их вечно. Они не могут без конца влачить бремя "свободы от"; если они не в состоянии перейти от свободы негативной к *свободе позитивной* (курсив мой - А.К.), они стараются избавиться от свободы вообще», - говорит Эрих Фромм в своей знаменитой книге. Вот и бегут. Кто-то уходит в различные виды «виртуальной реальности» и прочие разновидности наркомании, - «опиум для народа» сегодня существует не только в рецептах официальной церкви. Примеров различных «виртуальных» сект - как «религиозных», так и «политических» - множество, они уже перестают нас удивлять. Погружённые в свой фантастический мир, адепты таких сект надёжно укрыты от вопросов мира реального, в этой функции убежища и состоит притягательность данного решения проблемы человеческого бытия.

Другие, те что попроще, стремятся, чтобы «было весело и ни о чём не надо было думать», - как у Стругацких в «Хищных вещах века». Не дай Бог потревожить голову! - сразу же откроется пустота убогого существования без цели и смысла. Добросовестно работай на благо родной компании, делай деньги - и добросовестно отдыхай, тупо смотри в телеэкран, жуй какой-нибудь очередной «орбит», торчи в ночном клубе, - «веселись, Страна дураков!» Рай сытого обывателя, идеально вписывающийся в попперовское «открытое общество».

Для обывателя Родина - это не культура своей страны как интегральная часть общечеловеческой культуры, но именно сытное корыто. А вот если обыватель голоден и озлоблен, тогда такое понятие «Родины» дополняется образом сильного Государства, бряцающего оружием - надо же защитить своё «корыто» и по возможности урвать кусок из чужого. Когда «корыто» оскудевает, «элита» спешит объяснить обывателю, что во всём виноваты, например, «инородцы», что нас грабят и унижают именно они, а вовсе не реальные виновники. Можно пойти ещё дальше и утверждать, что, скажем, «чёрные» (или «белые» - в зависимости от особенностей конкретной страны) насилуют (вариант - покупают) «наших женщин», что это именно они развращают «нашу молодёжь». Можно вслед за Гитлером утверждать, что «инородцы» (в данном случае - евреи) заражают «нас» сифилисом - и т.д., и т.п. А раз так - встанем под знамёна Нации и очистим родную землю от скверны! Социальная неустроенность трансформируется («рационализируется») в чувство национальной ущемлённости. И ведь тоже ни о чём не надо думать, за нас думает Большой брат (в лице Нации, Державы или Великого Вождя), а мы - его солдаты, солдатам рассуждать не положено.

Большой брат не обязательно должен носить национально-государственническую окраску. В эпохи, когда из недр разрушаемых традиционных обществ вымываются растерянные, потерявшие надёжную почву под ногами представители класса мелких собственников, в их среде оказываются востребованными, например Аллах в ваххабитском толковании или Бог в интерпретации Жана Кальвина. Главное, чтобы было перед кем сложить свою свободу и ответственность.

Вот все эти надчеловеческие «абсолюты» (поскольку они нацелены против «открытого общества») Дугин и соединяет в своём «национал-большевизме», который, естественно, оказывается шире одного только «красно-белого» синтеза.

Однако чтобы окончательно не впасть в шизофрению, необходимо всё-таки как-то ограничить «неожиданный синтез». И здесь на помощь Дугину приходит ещё одна сторона его интересов - геополитика. Так, Александр Гельевич не спешит записывать в свои такого явного врага «открытого общества», как Адольф Гитлер, напротив – всячески от него дистанцируется, рассматривает как профана, как пародию на национал-большевизм. По Дугину, существует две «метацивилизации»: морская, атлантическая – либеральный, торгашеский Запад, - и сухопутная, евразийская, континентальная – традиционалистский Восток.[3] Москва для Дугина - это «ось Востока», это «Третий Рим», собирающий вокруг себя земли евразийских этносов в единое континентальное Государство. Враг этого Государства-в-проекте – не только либеральный Запад, но и победившая в немецком нацизме «гитлеровская, баварско-австрийская, славянофобская линия». Совсем по-другому Дугин относится к прусско-славянофильской концепции «Третьего Райха», к «диалектической триаде "Третий Рим" - "Третий Райх" - "Третий Интернационал"». Идеи подобного синтеза Дугин резюмирует следующим образом: «Имперский конгломерат народов Востока, сплотившихся вокруг России-"хартленда", составлял остов потенциального континентального государства, объединённого выбором "идеократии" и отвержением "плутократии", ориентацией на социализм и революцию против капитализма и "прогресса"». Могу себе представить, как бы к такой интерпретации социализма отнёсся, например, Карл Маркс (которого Дугин принимает лишь «очищенным» от фейербаховского гуманизма).

Впрочем, если к слову «социализм» добавить «национал-», то всё станет на место. А кому этот термин покажется недостаточно «сильным» (как нынче принято говорить, «крутым»), пожалуйста - «национал-большевизм». Под конец «крутость» и вовсе нарастает: «Царствие национал-большевизма, Regnum[4], их Империя

[2] Книга с этим названием вышла в свет в 1941 году.

[3] Всё это лично мне остро напоминает завиральные идеи писателя Владимира Щербакова о противостоянии цивилизаций «атлантов» и «этрусков». Но Щербаков – «фэнтези», - а Дугин всё-таки претендует на роль социального мыслителя.

[4] Царство (лат.).

Конца - это совершенная реализация величайшей Революции истории, континентальной и универсальной. Это возвращение ангелов, воскрешение героев, восстание сердца против диктатуры рассудка. Эта Последняя Революция - дело ацефала, безголового носителя креста, серпа и молота, коронованного вечной свастикой солнца», - завершает Дугин свою «Метафизику». «Поехали!» - как сказал Юрий Алексеевич Гагарин, правда, в другом смысле и по несравненно более достойному поводу.

"Ацефал"-?

Идеи Дугина и его сторонников могут оказаться и, думаю, оказываются весьма привлекательными для многих, кого не устраивает дебильно-обывательская массовая псевдокультура правящего миром выродившегося либерализма. Этим данные идеи опасны. Кроме того, Дугин открещивается от расизма и шовинизма, чем также должен привлекать тех, кому враждебны и «демократы», и «красно-коричневые». Если бы речь шла о противопоставлении торгашеским «ценностям» ценностей ***человеческой культуры*** (для которой, заметим, не существует линий геополитического противостояния – будь то по Дугину или по Бжезинскому), то здесь, безусловно, было бы что обсуждать. Но Александр Гельевич мыслит категориями своего «виртуального мира» атлантов и евразийцев, - вот и оставим его там, если ему это угодно, а сами вернёмся к поставленному ранее вопросу: насколько правомерна антитеза «либерал-индивидуализм - тоталитаризм». Мы видели, что и растворение в «открытом обществе», и подчинение внешнему Авторитету - это два варианта «бегства от свободы», то есть явления одного порядка.[5] Значит, ***они лежат по одну сторону водораздела, а не по разные***. Эту истину необходимо чётко усвоить как антитоталитарное противоядие.

Противостоит вариантам «бегства от свободы» подлинный гуманизм, ставящий во главу угла Человека в его потенциале восхождения, а не любой мифический Абсолют. Дугин бьет мимо цели, когда фактически отождествляет Надперсональное и Надчеловеческое. С точки зрения подлинного, радикального гуманизма, ***истинные человеческие ценности надперсональны***. Цитируя Ницше, - «человек есть то, что следует преодолеть», - автор «Метафизики...» истолковывает это изречение в свою пользу. Но ведь возможна и гуманистическая интерпретация: человек должен постоянно преодолевать себя ради того, чем он может стать. Михаил Бакунин, рассматривая прогресс как постоянное «вочеловечивание человека», говорил об этом же.

Существо подлинного гуманизма прекрасно выразил Антуан де Сент-Экзюпери в «Военном лётчике». Сюжет, достойный «Бхагават-гиты»! - там герою Арджуне истина открылась в боевой колеснице на поле сражения, здесь Экзюпери истина открылась в боевом самолёте под огнём гитлеровских зенитных батарей. «Огонь над Аррасом снял пелену с моих глаз - и я прозрел... - говорит он. - И если на заре я вновь оторвусь от земли, я буду знать, за что я сражаюсь... Я верую в равенство прав Человека в каждой личности. И я верую, что Свобода - это Свобода восхождения Человека (вот она - позитивная свобода, "свобода для" у Фромма! - А.К.). Равенство не есть Тождество. Свобода не есть возвеличивание личности в ущерб Человеку. Я буду сражаться со всяким, кто захочет подчинить свободу Человека одной личности или массе личностей... Я буду сражаться за Человека. Против его врагов. Но также и против самого себя». *Ценна Свобода для восхождения, т.е. саморазвития и возвышения Человека, посредством познания, творческого труда и любви обогащающего свои глубинные связи с миром.* Все подлинные гуманисты так или иначе отстаивали эти ценности. Обретение такой свободы всеми - это и есть коммунизм - подлинный, гуманистический, ноосферный, - а пресловутая «общность имущества» представляет собой лишь неизбежный «побочный продукт» такого положения вещей, не более того. Соответственно, задача социального переустройства состоит не в том, чтобы «всё поделить», а в том, чтобы создать условия для развития каждого человека и воспитать в каждом эту жизненную потребность. Те или иные экономические и социально-политические формы должны рассматриваться как средства для достижения названной цели, но не как цели сами по себе.

Провозглашая Человека в качестве высшей ценности, важно не перейти ту грань, которую вольно или невольно переходили большевики в своём «авангардизме». Одна крайность - либерал-индивидуализм, - здесь Человек подменяется капризным индивидом. Другая крайность - тоталитарное решение, - здесь Человек становится лишь разновидностью дугинских «абсолютов». Истинный путь - узкий, как лезвие бритвы,[6] - всегда пролегает между гибельными крайностями. Борясь с несправедливостью этого общества, с людскими предрассудками и слабостями, презирая обывателя и т.п., мы всегда должны помнить о недопустимости отношения к людям только как к удобрению для выращивания будущего Героя.

Дугин также бьет мимо, когда для иллюстрации своих антигуманистических идей ссылается на учение Адвайта-Веданты о тождественности Атмана (индивидуальной души) Брахману (мировой душе). Здесь-то как раз

[5] «Главные пути, по которым происходит бегство от свободы, - это подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденная конформизация, преобладающая в нашей демократии» (Э. Фромм. Бегство от свободы).

[6] Этот образ «лезвия бритвы» создан Иваном Ефремовым и относится к одной из основных его идей о закономерностях развития жизни - и на биологическом, и на социальном уровнях. Применительно к обществу эту идею также выразил М.А. Бакунин, когда говорил о недопустимости как «свободы без социализма», так и «социализма без свободы».

выражена божественность Человека и истинно человеческая духовность, согласно которой "я" не ограничивается локальной в пространстве и во времени, «разорванной» персоной, а вмещает весь мир. В этом - суть Адвайта-Веданты, но её нужно понять сердцем, а не одним только рассудком. Свободное саморазвитие и познание мира - установление с ним взаимосвязей любви и творческого труда, «вмещение» его в себя - снимает «проклятые вопросы», присущие разорванной, а не цельной личности и создающие соблазн «бегства от свободы». «Воплощая в себе раздробленный, противоречивый опыт, индивидуалистическое сознание необходимо становится жертвою "проклятых вопросов". Это те безнадёжно-бесплодные вопросы, на которые вот уже столько веков "глупец ожидает ответа". Что я такое? - спрашивает он, - и что этот мир? Откуда всё это? Зачем? Почему столько зла в мире? И т.д., до бесконечности. Присмотритесь к этим вопросам, и вам станет ясно, что это - вопросы раздробленного человека. Именно их должны были задавать себе разъединённые органы одного организма, если бы продолжали жить и могли спрашивать», - говорил за три с половиной десятилетия до Фромма Александр Богданов в статье с замечательным названием «Собирание человека». И вновь с материалистом Богдановым перекликается «идеализм» индуистской философии: «Нет разума для несобранного», - сказано в «Махабхарате».

Предвижу возражение, которое могло возникнуть у иного читателя: «"подлинный гуманизм", за который так ратует автор, представляет собой всего лишь ещё одну разновидность "опиума для народа"; его Человек - такой же враг свободы, как и любая другая "священная корова"». Да, Человек - враг «свободы» быть свиньёй, так что если вы склонны отстаивать такую «свободу», нам не по пути. Человек - враг «свободы» лицемерия и безответственности: рассуждать о независимости и при этом быть пьяницей, говорить о гармоничном обществе и при этом быть неспособным построить человеческие отношения в своей семье. Человек, в отличие от «священных коров», прочно держится за Жизнь. Мир познаётся с двух сторон: извне – пятью чувствами и рассудком, изнутри – сердцем. Вот и подумайте, не является ли сама Жизнь в своём развитии неуклонным восхождением, обретением и развёртыванием новых и новых возможностей, т.е. ростом свободы? А ещё вспомните, в какие именно моменты вы ощущаете полноту и осмысленность своего существования, счастье - в конце концов? Спросите своё Сердце.

Андрей КОНСТАНТИНОВ

РАБОТА ДЕЛАЕТ СВОБОДНЫМ?

Шурик сделался еще тоньше, вертлявее и страшнее. Он походил на сколоченный из дрянных досок каркас, на который много лет назад повесили сушить какое-то тряпье и забыли, а в этом тряпье непостижимым образом затеплилась жизнь, да так утвердилась, что многому вокруг пришлось потесниться.

Виктор Пелевин

Мировоззрение Фридриха Хайека, а вслед за ним современного неолиберализма основывается на классических представлениях либеральных демократов о том, что, пребывая в мире, люди следуют своим эгоистическим интересам. Однако чтобы дело не дошло до войны всех против всех, необходимо государство, все механизмы которого направлены на сдерживание агрессивных инстинктов человека. Людям и самим надлежит, по крайней мере, отчасти, смириться с некоторыми ограничениями их свободы, а именно: не грабить, не убивать, не желать жены ближнего, честно и упорно трудиться. Тогда их общество (вернее - не общество, а "расширенный порядок", - см. далее) окажется в состоянии предоставить им все блага цивилизации: свет, тепло, канализацию и богатство. В соответствии с принципом «невидимой руки» Адама Смита, свободный рынок сам урегулирует все возникающие экономические проблемы, достаточно, чтоб люди стремились извлечь личную выгоду из своей экономической деятельности, действуя исключительно как эгоисты, и не нарушали при этом правила торговли.

Представители неолиберальной идеологии предлагают свое объяснение тоталитаризма и критику этой системы. Причины этого явления они видят в господствовавших в первой половине XX столетия социалистических и коммунистических учениях. Социалисты и коммунисты выступали против рыночных отношений, стремились полностью или частично заменить их государственным или общественным регулированием экономики. В результате в руках государства оказалась сосредоточена огромная экономическая и политическая власть, превратившая людей в рабов.

В условиях коммунистического режима вся полнота ответственности за принятие экономических решений лежит на государстве, которое монопольно контролирует экономику и концентрирует в своих руках всю власть. Такое государство уже никто и ни в чем не может сдержать или ограничить. Это гигантская бюрократизированная до предела монополия, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Граждане такого государства обречены на рабское существование, на стояние в очередях в государственные кормушки, где чиновники выдают им скудный паек, а взамен требуют полной лояльности. Это и есть тоталитаризм.

Пожалуй, с таким объяснением причин тоталитаризма можно было бы отчасти согласиться, во всяком случае, критика госмонополизма и тирании во многом справедлива. Но почему же социалистические и коммунистические учения имели такую популярность, как они сумели овладеть доброй половиной государств на нашей планете? Вульгарные объяснения в духе мирового коммунистического (или социалистического) заговора Хайек и его последователи отвергают. Ведь такие теории не объясняет огромной популярности тоталитарных учений.

Если сторонники бюрократической теории тоталитаризма (Андре Горц) считают формирование рыночных отношений одной из важнейших причин, приведших к росту бюрократизма, то неолибералы решительно противопоставляют рынок и бюрократию. Правда, Хайек в своей работе "Общество Свободы" признает, что внутри крупных корпораций складывается тип отношений, основанный на иерархичности и бюрократизме, и это, конечно, отнюдь не способствует развитию общественной свободы. Но, в целом, с точки зрения неолибералов, рост влияния бюрократии в большинстве случаев противоположен интересам субъектов рыночных отношений: бизнес скорее заинтересован в свободной торговле и относительно простых законодательных правилах, чем в государственной регламентации и протекционизме.

Нет, дело не в заговорах и не в бюрократизме, как таковом, а в исконном стремлении людей к коллективистским формам общественного устройства и к социальному равенству - в стремлении, с точки зрения Хайека, ошибочном. Это стремление Хайек называет "пагубной самонадеянностью" и посвящает ему целую книгу с аналогичным названием. Человечество, говорит Хайек, не сразу пришло к современным формам общественного устройства, основанного на рыночных отношениях и частной собственности. Этому предшествовали десятки тысяч лет существования в маленьких, часто изолированных друг от друга общинах, основанных на принципах коллективного взаимодействия и социального равенства. В мышлении людей и сегодня присутствую какие-то архаические пласты, связанные с этой древней эпохой, которые закреплены в нашей культуре и передаются из поколения в поколение. И не только присутствуют, но и в значительной степени задают мотивы нашего поведения. Такому обществу Хайек противопоставляет современное общественное устройство - рыночную систему, - где поведение людей определяется с помощью спонтанного взаимодействия на основе законов спроса и предложения, а не на основе личных связей. Он даже отказывается называть капитализм "обществом", чтобы избежать "опасной путаницы" и

предлагает собственное название – "расширенный порядок". "Товарищество индивидов, поддерживающих тесные личные контакты, и структура, формируемая миллионами, связанными только через сигналы, исходящие от длинных и бесконечно разветвленных цепочек обмена, – образования совершенно разного типа, и одинаковое их наименование не только является фактической ошибкой, но и почти всегда мотивировано подспудным желанием создать расширенный порядок по образу и подобию любезного нашим сердцам братского содружества. Удачно охарактеризовал такую инстинктивную ностальгию по малой группе Бертран де Жуванель, сказавший, что "среда, в которой первоначально жил человек, остается для него бесконечно привлекательной, однако любая попытка привить ее черты обществу в целом утопична и ведет к тирании"". Если эти мечты воплотятся в жизнь, то придется расстаться с частной собственностью и рынком, которым, - справедливо замечает Хайек, - нет места в "маленькой архаической общине", ведь они противоречат "любезной нашим сердцам идее братского содружества". Поэтому, главный неолиберальный рецепт борьбы с тоталитарными тенденциями - это расширение сферы применения свободного рынка, жесткое законодательное закрепление механизмов частной собственности и разгрузка государства от экономических функций.

Однако здесь становится уместным вопрос: если свобода совершенно противоположна "инстинктивной ностальгии по малой группе", как утверждают неолибералы, то не приведет ли воцарение этой «свободы» к уничтожению таких свойств человеческой натуры, как доброта, отзывчивость, взаимопомощь, солидарность? Не будет ли "общество свободы" настолько холодным и эгоистичным, что в нем не захочется жить никому, кроме теоретиков неолиберализма? К тому же, если, по представлениям Фридриха Хайека, архаические культурные пласты почти неуничтожимы, "бесконечно привлекательны" и играют огромную роль в жизни людей, то стоит ли вообще с ними бороться? Может быть, как раз более "естественно" было бы поискать какие-то возможности для синтеза этих коллективистских устремлений и идеи индивидуальной свободы?

Особую откровенность Хайек обретает, наконец, в своей последней книге, о которой мы уже упоминали, – в «Пагубной самонадеянности». Нужно ведь как-то объяснить, почему капиталистическая система все же возникла, несмотря на огромное сопротивление, стала почти глобальной, и утвердилась, да так, что "многому вокруг пришлось потесниться". В заключительной части "Пагубной самонадеянности", в разделе под названием "Естественный отбор блюстителей традиций", Хайек предлагает вниманию читателей свое объяснение. "Часть ответа сводится к тому, с чего мы начали, к эволюции систем морали через механизм группового отбора. Просто-напросто выживают и умножаются группы, ведущие себя требуемым образом". Ранее Хайек намекает на такой вывод следующими рассуждениями: "В социал-дарвинизме много ошибочного, но резкое его неприятие, высказываемое сегодня, отчасти обусловлено его конфликтом с пагубной самонадеянностью, будто человек способен лепить окружающий мир в соответствии со своими желаниями". В соответствии с мировоззрением Хайека, ошибка социал-дарвинизма состояла в чрезмерном увлечении биологизаторством. Тогда как человек - это все же не животное. Поэтому, хотя в человеческом обществе действуют те же механизмы естественного отбора, что и в живой природе, но не на биологическом уровне, а через закрепление определенных норм поведения, определенных обычаев и элементов культуры у тех сообществ, которые сумели выжить в конкурентной борьбе. А выживают наиболее сильные в экономическом отношении, наиболее эффективные сообщества. И Хайек апеллирует к уже хорошо знакомой нам концепции, к древнему изречению философа Гераклита: "Война – основа всего".

Но что тогда должно произойти с теми сообществами и индивидами, которые не сумеют выиграть в войне? В войне ведь всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает (впрочем, бывает и так, что погибают все...). На это Хайек намекает в следующем отрывке: «Оборот "социальная справедливость", по очень давнему и резкому выражению одного более мужественного, чем я человека, - это просто "семантическая передержка, темная лошадка из той же конюшни, что и "народная демократия""».

Иначе говоря, упорный труд и экономическая эффективность позволят людям и обществам надолго задержаться в этом мире, но если у них ничего не выйдет, – пусть пеняют на себя. Работа делает свободным. Однако нацисты - и те, которые были когда-то, и те, которые есть сейчас, - еще более откровенны, чем неолибералы, и открыто признают, что жизнь в "обществе свободы" окончится для многих из нас на дне выгребной ямы...

Михаил МАГИД

РАЗОРВАТЬ НЕПРЕРЫВНОСТЬ ИСТОРИИ!

Историко-философские тезисы **Вальтера Беньямина**: между историческим материализмом, иудейской мифологией и либертарным пониманием истории

Нынешний кризис левых не в последнюю очередь связан с их пониманием истории, исходящим из гипотезы о целенаправленном развитии человеческого общества, в конце которого стоит построение социализма - коммунизма. Капитализм же понимался при этом как необходимая предварительная стадия, в его недрах почти закономерно вызревали предпосылки для ликвидации любой эксплуатации. Результатом была скорее выжидательная позиция - спор о том, созрели ли вообще уже условия для революции.

При критическом пересмотре этих воззрений человек раньше или позже натыкается на тезисы Беньямина «О понятии истории». В этом сочинении Беньямин ясно отвергает подобные фаталистические представления об истории.

При чтении тезисов Беньямина, а в еще большей мере - заметок и набросков к ним - бросается в глаза (наряду со ссылками на иудейскую мифологию) близость к анархистскому взгляду на историю. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы подробнее исследовать эту взаимосвязь и актуальность исторической философии Беньямина в наши дни.

Введение

Вальтер Беньямин родился в 1896 г. в Берлине; он был сыном преуспевающих еврейских родителей. Он рос под влиянием культуры немецкого романтизма и еврейско-сионистского движения. Потрясения, выпавшие на долю его поколения с Первой мировой войной, а также чтение произведений французского синдикалиста Жоржа Сореля и немецкого анархиста Густава Ландауэра привели его в соприкосновение с либертарным мышлением, которое в это время как раз получило наибольшее распространение в Германии. Позднее он стал все больше попадать под влияние коммунистического движения, а во Франкфуртском университете Беньямин вошел в контакт с будущими представителями Критической теории («Франкфуртской школы», - прим. перевод.).

Тезисы «О понятии истории», опубликованные уже после его смерти в начале 40-х гг., находились в резком противоречии с обоими доминировавшими вариантами историографии - историзмом и позицией ортодксальных марксистских партий рабочего движения. Беньямин отверг характерное для историзма и преобладавшее до конца 19 века представление о универсальной истории как простой перечень исторических фактов без всякой связи с проблемами современности. Одновременно он выступил и против веры в прогресс, распространившейся, прежде всего, с укреплением рабочего движения и основанной на сильно упрощенном историческом материализме марксова образца. В противовес им Беньямин выдвинул критически понятый исторический материализм, проникнутый элементами иудейской мифологии и либертарно-анархистского мышления. Под воздействием пика могущества национал-социализма и позорного краха рабочего движения, вплоть до предательства самого себя при заключении пакта Гитлера-Сталина в 1939 г., Беньямин сформулировал совершенно новое понятие истории, которое порывало с верой в прогресс и выдвигало мессианское видение активного вмешательства в ход истории.

Исходный пункт представления об истории у Беньямина

В эссе «О понятии истории» Беньямин, в связи с полным поражением международного рабочего движения с началом Второй мировой войны, попытался оживить некогда революционную силу исторического материализма. Исходным пунктом для него служило сравнение с шахматным автоматом в виде куклы, могущей победить любого противника, пока ею руководит спрятавшийся карлик-гроссмейстер. Кукла олицетворяет исторический материализм, ставший бессильным к моменту написания тезисов и потому нуждающийся в поддержке теологии в облике карлика. Благодаря - на первый взгляд, несоединимому - соединению обоих этих элементов, материалистическая теория может снова обрести инициативу (...).

Критика историзма

Беньямин рассматривает в своих историко-философских тезисах оба основных течения историографии. Историзм, исходящий из принципа историчности объекта исторического познания и понятий, ограничивает роль науки истории, сводя ее к простому перечислению исторических фактов. Он стремится с помощью идеи вчувствования как можно точнее передать

ход событий. В результате работа ученого-историка превращалась в нечто самостоятельное. Она, следуя «историческому релятивизму, в конечном счете, всего лишь поставляла материал для учебников, но сознательно избегала любой привязки к современности. В то же самое время историзм подчеркивал замкнутость исторических эпох и культур по отношению друг к другу, сумма же таких отдельных эпох и культур представлялась как универсальная история человечества.

Беньямин подверг критике такой подход, назвав его историографией победителей, поскольку историк этого направления обращает внимания только на них. Этот «аддитивный подход» предлагает всего лишь «массу фактов, чтобы заполнить однородное и пустое время». Он служит всего лишь тому, чтобы узаконить существующую реальность, то есть представить существование господства как нормальное состояние человеческого общества. Так со временем формируется «триумфальный кортеж», за которым как «добычу» ведут культурные блага предшествующих эпох, не упоминая страдания тех, кто, в конечном счете, создавал эти блага.

В противовес этому Беньямин выдвигает «конструктивный принцип» (тезис 17) исторической науки - обращение к традициям угнетенных. Они обнаруживают свою действенность в качестве субъекта истории в моменты опасности, когда время застывает в «монаду», и дают наблюдателю слепок целой эпохи. Задача историка состоит поэтому не в том, чтобы проследить различные события в их последовательности, а в том, чтобы «выделить из однородного хода истории» определенные революционные моменты, чтобы *узнать* значение той или иной эпохи для хода истории.

Благодаря этой практике, исторический материализм превосходит картину истории, свойственную историзму (тезис 5). Но хотя Беньямин здесь становится на сторону исторического материализма, в своей критике он не щадит и его. Сам термин «исторический материализм» он использует по-разному. С одной стороны, как представление рабочего класса об истории, которое к моменту написания тезисов уже не соответствовало представлению его основателей - Маркса и Энгельса. С другой, он хочет не просто устранить вульгарно-марксистские искажения и вернуться к «первоначальному» понятию исторического материализма, но обогатить его теологическими элементами, чтобы вновь привести в актуальную связь с современностью.

Исторический материализм у Маркса

Маркс характеризовал исторический материализм как «науку истории». Человеческая история рассматривается как процесс творения человека самим собой при прохождении через стадию отчуждения. В этом процессе решающую роль играло столкновение с природой, труд.

Труд совершается в закономерной смене способов производства, определяемых развитием производительных сил. С совершенствованием средств и методов производства, развитием производительных сил, они вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, которые препятствуют дальнейшему развитию. Это противоречие разрешается посредством революционного преобразования производственных отношений, и устанавливается новый способ производства. В каждом из этих способов производства существует основной класс, предназначенный быть носителем общественного прогресса. При капитализме это рабочий класс, которому Маркс отводил «историческую миссию». (Само это понятие «исторической *миссии* указывает на то, что и мышление Маркса находилось под влиянием религиозных элементов. Революционное окончание предыстории коммунизмом также может рассматриваться как секуляризированная форма идеи спасения). Капитализм является последним общественным строем, находящимся в плену антагонистического противоречия: с его заменой социализмом, осуществляемой посредством взятия власти пролетариатом, больше уже нет непреодолимых общественных противоречий, поскольку нет больше классов как их носителей. Тем самым устраняется и отчуждение человека и преодолевается стадия предыстории. Начинается собственная история человечества.

Развитие человечества, таким образом, фактически становится природным процессом, который хотя и осуществляется во взаимной борьбе различных классов людей, но по своей направленности в долгосрочной перспективе не поддается какому-либо влиянию. Задача рабочего класса при этом состоит в осознании своей роли «могильщика капитализма» и в завоевании посредством революции следующей ступени человеческого прогресса.

Той части рабочего движения, которая вдохновлялась Марксом, удалось в ходе исторического развития в первой половине XX века добиться гегемонии во многих странах. Уже перед Первой мировой войной во многих партиях смогли возобладать силы, делавшие ставку не на революцию, а на концепции медленного врастания в социализм.

С Октябрьской революцией в России произошел затем раскол на коммунистическое и социал-демократическое крыло. Первое попыталось вернуться к революционным традициям Маркса. Но поскольку революции в западноевропейских странах все не было, произошло постепенное подчинение коммунистических партий КПСС, которая поддерживала революционные процессы лишь тогда, когда это соответствовало ее внешнеполитическим концепциям и осуществлялось под ее единоличным руководством.

Такова была ситуация, когда Беньямин сформулировал свою критику в адрес как социал-демократии, так и «политиков (...), которые подкрепляют свое поражение предательством собственного дела» (тезис 10), то есть коммунистического «Третьего Интернационала».

Критика рабочих партий

Критика социал-демократии неотрывна от критики Коминтерна, поскольку критикуемые тенденции присутствовали в обоих доминирующих течениях рабочих партий, ссылавшихся на Маркса, - хотя и в различной степени.

Центральный момент критики рабочих партий Беньямином - абсолютно некритическое представление о прогрессе. С дальнейшим развитием науки и производительных сил, с расширением индустрии автоматически растет, так сказать, «массовая база» партии, что создает предпосылки для перехода к бесклассовому обществу. Беньямин отвергает подразумеваемую таким образом целенаправленность исторического развития на основе количественного прогресса, равно как и предполагаемую взаимосвязь технического развития и цивилизационного прогресса в направлении свободного общества. Ведь с этим связано проистекающее из «протестантской трудовой морали» обожествление труда рабочими партиями. Его оборотная сторона - одобрение беспрепятственной эксплуатации природы.

Следующий момент критики «вульгарного марксизма» Беньямином - распространенный в нем фатализм, основанный, в конечном счете, на вере в закономерный ход истории, ложной уверенности в смене капитализма социализмом. Вожди рабочих партий все больше и больше отодвигали в будущее ленинскую «революционную ситуацию», которая должна наступить тогда, когда имеются все объективные и субъективные предпосылки для смены капитализма социализмом, - вплоть до «никогда». Тем самым революционное уничтожение капитализма превращалось в «бесконечную задачу» - «пустое и однородное время в прихожей, где с большим или меньшим спокойствием можно ожидать прихода революционной ситуации», так что рабочий класс сразу же отвыкает «в этой школе от ненависти и жертвенности». Масштабом для действий рабочего класса были уже не революционные традиции, а «идеальная картинка освобожденного потомка». Примерно в духе печально известной фразы: «наши внуки будут жить лучше нас».

История философии Беньямина

На фундаменте этой критики Беньямин строит свою собственную концепцию исторического материализма, которая отличается как от марксовой, так и от «вульгарно-марксистской». Ключом к пониманию его философии истории является влияние на нее иудейской религии.

Иудейское мессианство

Теологический момент, который Беньямин стремится интегрировать в исторический материализм, основывается на особом варианте иудейской традиции - так называемой лурианской мистике евреев, высланных из Испании в 1492 г. Она базируется на идее «цимцума» - «контракции бога», то есть ухода бога из мира, что создает свободное «первичное пространство» для действия человека. При этом свет бога разрушает сосуд собственного творения. В процессе правильного собирания рассеянных обломков (так называемого «тиккуна») должно было быть восстановлено изначальное состояние творения. Этот акт восстановления завершается приходом мессии и означает спасение божьего творения.

В иудейской религии, таким образом, проявляется ориентация в направлении прошлого, то есть восстановления изначального райского состояния. Об этом свидетельствует запрет для иудеев изучать будущее, а также «самое страшное проклятие древних иудеев: пусть тебе не вспомнить!».

В отличие от большинства других религий, приход мессии не является независимым от действий людей. Он является результатом их активного действия и, тем самым, фактически лишь «подтверждением само-спасения человечества». Сам бог в иудейской религии - это «вечный мятежник, тормошитель, напоминающий» (Ландауэр), тот, кто дарит людям «небольшую мессианскую силу» (Беньямин), с помощью которой осуществляется приход спасителя. Этот приход представляет собой затем резкий обрыв прежнего хода человеческой истории: «Не существует преемственности между нынешним и мессианским временем... Под спасением понималась революция в истории» (Гершем Шолем). Поэтому иудейское представление о времени совершенно отличалось от преобладающего - пустого, бесконечно-линейного. Оно основывалось на качественном понимании времени, «неотрывном от переживаемого в нем содержания» (М. Леви. Спасение и утопия. Иудейское мессианство и либертарная мысль. Берлин, 1997).

Однако «центральная формула иудейской веры» - это «участия человеческого действия в деле спасения мира» (Мартин Бубер). Здесь пролегает важнейшая параллель с еще одной основой представления Беньямина об истории - либертарной мыслью.

Либертарное представление об истории

Для анархизма характерны упор на свободу и самостоятельную ответственность людей, отрицание авторитетов и иерархии. Вместо этого выдвигается цель федерации равных, которые соединяются друг с другом в сообщества на основе свободных соглашений, не прибегая к государству.

В либертарном представлении об истории подчеркивается особая роль активного действия угнетенных. Какая бы то ни было закономерность развития человечества по восходящей линии отрицается. В отличие от природы, подчиняющейся «железным закономерностям», общественное развитие - это всего лишь результат представлений о целесообразности и, следовательно, «дело веры». Исход конкретного развития в исторической ситуации в принципе открыт и зависит только от «мотивов и действий людей» (Р. Роккер).

Поэтому для Густава Ландауэра, представителя еврейской либертарной мысли, оказавшего большое влияние на Беньямина, освобождение человечества не зависит от определенного уровня развития производительных сил или от определенного способа производства как предпосылки социализма. Его предпосылки в принципе всегда существуют и должны быть только обнаружены. Соответственно, и развитие техники не имеет прогрессивной роли в том, что касается достижения цели свободного общества: «Никакой

прогресс, никакая техника, никакая виртуозность не даст нам избавления». Напротив, прогрессирующему господству над природой Ландауэр противопоставляет концепцию социализма как «воссоединения с природой».

В соответствии с этим и притязания марксова исторического материализма на научность критикуется как «мировоззрение», однако использование научных методов для получения исторических знаний не отвергается. Значение истории состоит в том, чтобы сделать прошлое настоящим в духе английского термина «to realize», «что означает одновременно осуществить и рассмотреть» (Ландауэр).

Точно также анархисты критикуют экономический детерминизм исторического материализма. Экономика играет роль наряду с другими факторами - «принципом власти в истории» (Роккер), окружающей природной средой и социально-психологическими реалиями. Только для капиталистического общества как такового Роккер признает особое значение экономики.

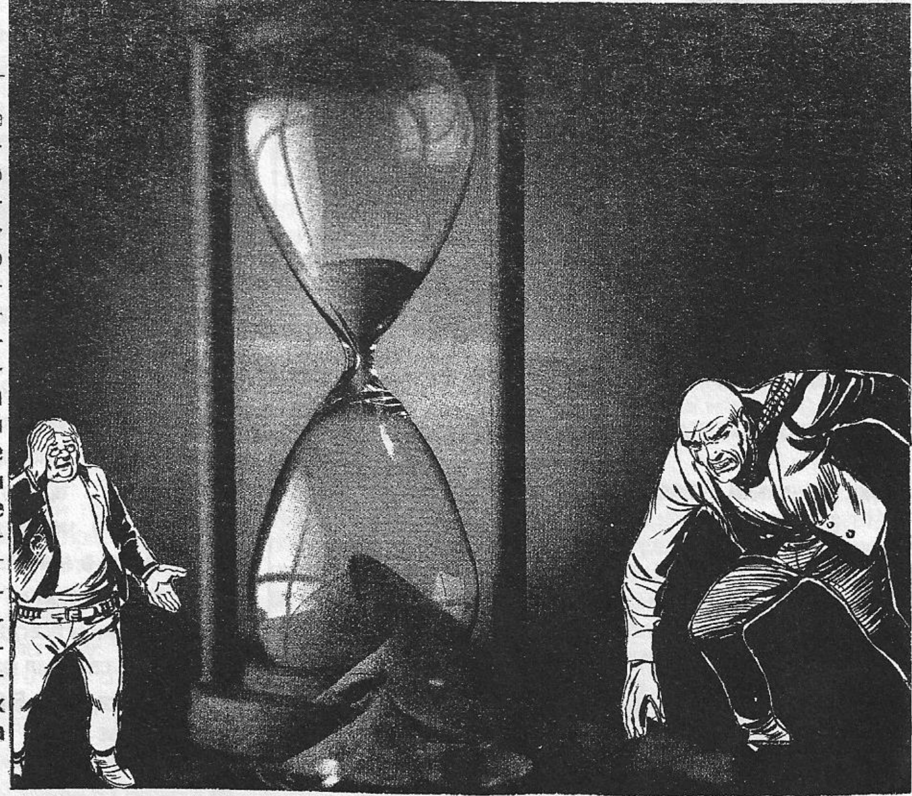
«Исторический материализм» Беньямина

В подготовительных работах к историко-философским тезисам Беньямин отмечает «три момента», которые следует положить «в основу материалистического взгляда на историю: дисконтинуитет исторического времени; разрушительная сила рабочего класса; традиция угнетенных».

Рассмотрим далее эти моменты в мышлении Беньямина.

Дисконтинуитет исторического времени

Как уже отмечалось в критике историзма, представление о времени древних иудеев значительно отличается от того, которое распространено в современных западных обществах. В отличие от этого последнего представления о «пустой бесконечности времени» Беньямин также постулирует «качественную временную бесконечность», время, когда «каждая секунда представляет собой маленькие ворота, через которые может придти мессия». При таком видении прошлое никогда не завершено. Точно также настоящее - это не просто переход от прошлого к будущему, а хилиастическое теперешнее время, «перерезающее естественно-исторический континуум». В этой «анархической концепции теперешних времен» всегда заложена возможность скачкообразного изменения хода истории. Незавершенное прошлое всегда может прорваться в настоящее время, подтолкнуть к спасению.

Такая концепция находится в резком контрасте с эволюционным представлением об историческом развитии от низших к более высокоразвитым общественным формациям, аналогичном тому, которое происходит в природе, - представлением, которое разделялось и тогдашним марксизмом. Подобно тому, как в иудейской религиозной традиции приход мессии является внезапным, всегда возможным событием (аналогично либертарному представлению о потенциально всегда возможной революции), восстанавливающим изначальное райское состояние, точно так же у Беньямина «бесклассовое общество... - это не конечная цель прогресса в истории, а ее так часто не удававшееся и наконец свершившееся прерывание». Здесь можно обнаружить отзвук разделения истории на предысторию и собственно историю, который встречается и у Маркса, - но уже не как конечный пункт целенаправленного, закономерного развития.

В этом контексте следует рассматривать и критику Беньямином всеобщей истории как простой суммы истории отдельных культур с их соответствующими эпохами. Он противопоставляет этому ландауэровский «принцип наслаивания», взаимного проникновения народов и культур. Все эпохи по причине их незавершенности существуют одновременно и при определенных событиях в ходе времени снова возвращают к актуальности, требуют ее спасения. И только тогда, в состоянии спасения, возможно заключительное, универсальное рассмотрение истории человечества.

(ОКОНЧАНИЕ НА СТР.48)

СВЕТОЗАРНЫЙ МОСТ

о жизни, творчестве и идейном наследии Ивана Ефремова

Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намёками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда ветры ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.

Николай Гумилёв

Будь прост, как ветр, неистощим, как море
И памятью насыщен, как земля.
Люби далёкий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Максимилиан Волошин

Иван Антонович Ефремов относится к тем замечательным натурам, которые своей всесторонностью и глубиной вполне соответствуют гуманистическому идеалу эпохи Возрождения. Всемирно известный учёный-палеонтолог, основатель новой отрасли знания - тафономии; всемирно известный писатель-фантаст, ставший классиком жанра; философ-космист, развивавший ноосферную концепцию; оригинальный социальный мыслитель, существенно обогативший гуманистическую составляющую социалистического учения, практически забытую в эпоху псевдосоциализма. Всё это - один человек, Иван Ефремов. Его экспедициями собраны замечательные палеонтологические коллекции на территории СССР и Монголии. Его именем названы многие виды ископаемых животных и одна из малых планет Солнечной системы - Ефремиана. Его книги определили жизненный путь самых разных людей - от участников коммунарского движения и подвижников альтернативной педагогики до космонавтов.

Ефремов отличался выдающимися качествами и чисто личного свойства: богатырское сложение - «косая сажень в плечах», немалая физическая сила (руками разгибал подковы) сочетались с энциклопедичностью познаний, пытливостью исследователя, а также рыцарским отношением к понятию «честь». Современникам он нередко казался пришельцем из космического будущего, либо, наоборот, из легендарного прошлого. Так, космонавт В. Аксёнов однажды сказал: «Ефремов - это взгляд другой, более высокой, чем мы, цивилизации на нашу Землю» [13]. А искусствовед А.А. Юферова вспоминает: «В славянских его чертах я с удивлением узнавала чеканную эпическую пластику давно ушедших великих и мудрых народов» [15].

«Навсегда врезался в память образ этого удивительного человека - могучего, уравновешенного, независимого в мыслях и поступках, знающего истинную цену слов, всегда готового поделиться своими необозримыми и всегда точными познаниями... Поклонник красоты, он сам был красив во всём», - говорил об Иване Ефремове академик Б.С. Соколов [7].

Жизнь по Жюлю Верну

Иван Антонович (настоящее отчество - Антипович) Ефремов родился в деревне Вырица Царскосельского уезда Петербургской губернии в семье лесоторговца 9 (22) апреля 1907 года... На самом деле, согласно записи в метрической книге, год рождения И. Ефремова 1908-й, но он ещё в ранней юности «состарил» себя на год, чтобы облегчить начало самостоятельной трудовой деятельности. С тех пор во всех автобиографиях Иван Антонович ставил годом своего рождения 1907-й [3].

Домашняя атмосфера была патриархальной и мещанской. Отец Ефремова, похоже, не интересовался ничем, кроме своей лесоторговли. Мать - женщина редкой красоты - была обречена на безысходный плен патриархальной семьи (по крайней мере, тогда так казалось). Много внимания ей приходилось уделять часто болевшему младшему брату И. Ефремова, так что Иван оказался в значительной мере предоставлен себе. Необычное для ребёнка пристрастие к тяжёлым предметам - часовым гирям, чугунным утюгам, - с которыми он любил играть, наряду с наследственностью по отцовской линии способствовало развитию выдающейся физической силы. Ещё в детстве проявился сохранившийся на всю жизнь интерес к камням и минералам - в 1916 году восьмилетний Иван несколько раз таскал за собой мать в Петроград на выставку собирателя уральских самоцветов А.К. Денисова-Уральского. Позже этот автобиографический эпизод будет отражён в прологе к роману «Лезвие бритвы».

Но решающее влияние на формирование личности оказали книги. Одарённый мальчуган рано выучился чтению и в шесть лет прочитал «Двадцать тысяч лье под водой» Жюля Верна. Книга произвела потрясающее впечатление: вдруг открылся целый новый мир - живой, зовущий, противоположный домашнему мещанскому укладу. Неизгладимый след оставили рассказы о героизме русских моряков в Цусимском бою, обнаруженные в подшивке журнала «Нива». Позже пришло знакомство с книгами Г. Уэллса, Р. Хаггарда, Рони-Старшего, А. Конан Дойла, Дж. Лондона, которые воспитали в нём романтика и рыцаря. «Я засыпал и просыпался в мире, полном непознанного», - вспоминал Иван Антонович впечатления своего детства.

В 1917 году происходит переезд в Бердянск из-за состояния здоровья младшего брата. Прежняя размеренная жизнь заканчивается, на смену спокойному «анданте» приходит стремительное «скерцо». Революция и гражданская война сопровождались давно назревшим разводом родителей. В 1919-м мать с детьми перебирается в Херсон, выходит замуж за красного командира и уезжает с ним, оставив детей тётке, которая вскоре умирает от тифа. А Иван прибивается к красноармейской автороте, вместе с которой «сыном полка» доходит до Перекопа. В Очакове, обстреливаемом британскими интервентами, разорвавшийся неподалёку снаряд привёл к контузии и лёгкому заиканию, сохранившемуся на всю жизнь. Много лет спустя Иван Ефремов, уже известный палеонтолог, в шутку говорил американским коллегам, что за своё заикание в английском он обязан разрыву английского снаряда. Примечательно, что во время того артобстрела мальчуган сидел на пожарной лестнице и читал «Копи царя Соломона» Р. Хаггарда!

Военное детство закончилось в 1921 году, впереди - выбор самостоятельной жизненной дороги. Внезапно повзрослевший, Иван едет в Петроград учиться.

Я не перестаю преклоняться перед людьми науки и народного просвещения, которые в тяжелейшие годы гражданской войны и послевоенной разрухи, в условиях авторитарной власти продолжали своё благородное дело. Кроме фигур такого масштаба, как В.И. Вернадский или, например, А.А. Богданов, было множество гораздо менее известных, но от этого не менее достойных людей. В шестой единой трудовой школе, куда поступил Иван, подобрался прекрасный коллектив учителей. Природоведение вёл В.М. Усков, историю - А.И. Андреев, - эти предметы оказались впоследствии для Ефремова

ключевыми. Учитель математики Василий Александрович Давыдов помогал Ивану, разрывавшемуся между школой и заработком на жизнь, осваивать учебный материал. Глубокую благодарность к этому человеку Ефремов пронёс через всю жизнь - каждый раз, приезжая в Ленинград, он ехал к дому Учителя почтить его память.

Благодаря незаурядным способностям и помощи Учителя, Иван оканчивает школу за два с половиной года, одновременно сдаёт экзамены на штурмана и весной 1924 года уезжает во Владивосток. Море, о котором прочитал в книгах Жюля Верна и Джека Лондона и которое впервые увидел, наверное, в Бердянске, звало и манило. Вакансий штурмана не оказалось - и Ефремов поступает старшим матросом на парусно-паровое судно «Третий Интернационал». Судно совершает рейсы в Японию, и во время стоянок в этой стране, когда команда разбредается по портовым кабакам, Иван идёт гулять в японские парки, наслаждаясь гармонией природы и архитектуры. «Я тогда был щенком», - вспоминал он впоследствии свою матросскую юность, однако богатырская сила и, надо полагать, некоторые навыки кулачного боя помогли «щенку» завоевать уважение на судне. Много позже ученик Ефремова, палеонтолог П.К. Чудинов скажет о своём учителе: «Он напоминал мне джеклондоновского "морского волка"» (но это только по внешнему обличию).

Осенью Ефремов возвращается в Петроград, раздираемый сомнениями: чему посвятить свою жизнь - морю или палеонтологии? Дело в том, что ещё в 1923 году он познакомился с профессором П.П. Сушкиным (1868-1928), чьи работы открыли ему мир этой науки, находящейся на стыке биологии и геологии, головокружительные пропасти времени, с которыми она имеет дело, захватывающую картину развития жизни на Земле. Другой старший товарищ - старый моряк, капитан Д.А. Лухманов - даёт молодому человеку неожиданный совет: «Иди, Иван, в науку! А море, брат... что ж, всё равно ты его уже никогда не забудешь. Морская соль въелась в тебя». Так был сделан окончательный выбор. Ефремов поступил на биологическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета и под руководством П.П. Сушкина окунулся в палеонтологическую науку.

Учёба совмещается с научной работой и экспедициями: в 1925-м - зоологическая экспедиция на Каспий (после завершения которой он несколько месяцев работал командиром катера лоцманской станции), в 1926-м - первая палеонтологическая экспедиция на гору Богдо в Астраханской области. Экспедиционная работа отнимает много времени - и на третьем курсе приходится оставить учёбу в университете.

Маршруты палеонтологических экспедиций Ефремова пролегают по Поволжью, Уралу и Средней Азии и приносят немало ценных находок и открытий. А в первой половине 30-х он участвует и в чисто геологических экспедициях по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку, - тяжелейших по напряжению физических и моральных сил. Некоторые эпизоды его экспедиционной жизни позже войдут в рассказы «Алмазная труба», «Тень минувшего», «Голец Подлунный».

В 1935 году Ефремов экстерном оканчивает Ленинградский горный институт. В том же году он становится кандидатом геолого-минералогических, а весной 1941-го - доктором биологических наук. В это время Иван Антонович уже живёт в Москве, поскольку в 1935-м сюда переезжает Палеонтологический институт (сейчас вместе с великолепным музеем расположенный в районе станции метро «Тёплый стан»).

В 40-е годы Ефремовым разрабатывается новая отрасль знания - тафономия (по-гречески буквально - «закономерность могил»). Так было названо учение о закономерностях сохранения остатков ископамых организмов в слоях осадочных пород. Как удачно выразился по этому поводу А.Ф. Сайфутдинов, с появлением тафономии палеонтология из «кладоискательской» науки превратилась в точную [11]. Рукопись «Тафономия» была завершена в 1943 году, но опубликовать её удалось только в 1950-м («Тафономия и геологическая летопись»). Общее признание новая отрасль получила лишь в 70-е годы, однако выводы своей науки Ефремову удалось блестяще применить ещё во время экспедиции за «костями дракона» в монгольскую Гоби, принёсшей богатейший материал. Экспедиция, руководимая «начальником отдела драконьих костей» (так в буквальном переводе с монгольского звучит должность И.А. Ефремова - зав. отделом древних позвоночных Палеонтологического института), работала в МНР в 1946, 1948 и 1949 годах. Действительно, было раскопано множество «драконьих костей» - скелетов исполинских динозавров и других рептилий, - а также скелетов древних млекопитающих, обнаружены залежи ископаемых деревьев. Многие находки сегодня можно увидеть в московском Палеонтологическом музее, а о самой экспедиции Иваном Антоновичем написана увлекательная и познавательная во многих отношениях документальная повесть «Дорога Ветров».

Но всё это позже, а до того была война, смешавшая многие планы...

Война и начало литературного творчества

После начала войны Ефремов просился на фронт, но был направлен на Урал выполнять геологическое оборонное задание. Здесь в 1942 году с ним происходит приступ странной лихорадки, по-видимому, приобретённой ещё в Средней Азии. (Быть может, именно эта болезнь дала осложнение на сердце, что впоследствии сыграло роковую роль в его жизни.)

В свердловском госпитале он приходит к замыслу попробовать себя в литературном творчестве, и после выздоровления и возвращения в Москву, в 1942-43 годах, пишет свой первый цикл «Рассказов о необыкновенном». Шесть рассказов - «Встреча над Тускаророй», «Озеро горных духов», «Путями старых горняков», «Олгой-Хорхой», «Катти Сарк» и «Голец Подлунный» - были в 1944 году опубликованы и встречены читателями с большим интересом. Среди литературных знаменитостей первым нового писателя, его «изящный, холодный стиль» отметил А.Н. Толстой. В то время тяжело больной, он пригласил Ефремова к себе в больницу и они долгое время беседовали.

Седьмой рассказ цикла, «Эллинский секрет», удалось издать только в 1968 году, поскольку он содержал по тем временам смелые, если не сказать - рискованные, идеи о генной памяти поколений, в дальнейшем развитые в романе «Лезвие бритвы». Следует сказать, что Ефремов не претендовал на авторство данной идеи. «Первая по времени научная постановка проблемы генной памяти в начале нашего века принадлежит писателю Андрею Белому. Он формулировал возможность "палеонтологической психологии" и говорил об отношении к слоям подсознания, вписанным в нашу психологическую структуру, как к ископаемым пластам в геологии. Беседовавший с писателем геолог Алексей Петрович Павлов принял эту возможность и внёс свои коррективы», - говорит он по этому поводу устами главного героя романа «Лезвие бритвы».

В 1945 году опубликован второй цикл рассказов, созданный годом ранее: «Белый рог», «Тень минувшего», «Алмазная труба», «Обсерватория Нур-и-Дешт», «Бухта радужных струй», «Последний Марсель» и «Атолл Факаофо». Написанная тогда же повесть «Звёздные корабли» о посещении Земли в эпоху динозавров представителями высокоразвитой цивилизации из космоса задержалась с публикацией до 1948 года. Дело в том, что в 1945 году на заседании Союза писателей Кирилл Андреев бросил Ефремову по поводу этой повести такой упрёк: как он посмел предположить существование в иных мирах коммунистического общества на 70 миллионов

лет раньше, чем на Земле!(!) К счастью, этот анекдотический случай не повлёк серьёзных последствий для Ивана Антоновича, посмевшего верить в построение коммунизма на планете, лишённой шефства со стороны «Отца народов». По-видимому, это был первый конфликт из-за несоответствия коммунизма Ивана Ефремова официальному советскому «коммунизму».

Большинство ефремовских рассказов, а также рукопись «Тафономии» созданы во время одной из самых страшных и разрушительных войн в истории человечества. Созидать наперекор разрушению - основное свойство жизни и отличительная черта всех светлых натур, как бы сильно они в остальном не отличались друг от друга. «Писатель откинулся на спинку стула и отрешённо взглянул на лист бумаги, сиявший во тьме ослепительным светом настольной лампы: "Поверят ли читатели в написанное, или сочтут красивым вымыслом?.." Наглухо зашторенные окна скрывали город, окутанный тревожной тишиной военной ночи. И воспоминания, нахлынувшие с неожиданной силой, принесли с собой острое переживание давно минувших событий...» - так попытался представить себе ту обстановку А.Ф. Сайфутдинов, посвятивший Ефремову книгу [11]. И напрашивается параллель: осаждённый город и мальчишка, читающий «Копи царя Соломона».

Но при этом не может быть речи об уходе из действительности в миры грёз, Ефремов прочно стоит на земле. Его «Рассказы о необыкновенном» повествуют о геологах, моряках, учёных, лётчиках, оказывающихся в загадочных, иногда - в экстремальных ситуациях и делающих при этом удивительные открытия в природе и в себе. Многие предсказания, содержащиеся в этих рассказах, в дальнейшем подтвердились. Например, в рассказе «Алмазная труба» повествуется о геологах, открывших в Якутии алмазное месторождение. В то время ни о каких алмазах в Якутии никто не знал, их первое месторождение было открыто на двенадцать лет позже, но при обстоятельствах, аналогичных описанным в рассказе. Сделать столь точный прогноз Ефремову помогло отличное знание геологии.

Хрестоматийным стал случай с открытием голографии под воздействием рассказов (повестей) «Тень минувшего» и «Звёздные корабли», в которых описываются объёмные изображения и общий принцип их создания. Примерно в одно время с опубликованием «Звёздных кораблей» известный физик Денис Габор выдвинул теоретическое обоснование объёмной фотографии, а создатель практической голографии Ю.Н. Денисюк позже признавался: «С дерзостью, свойственной молодости, я решил придумать себе интересную тематику, взявшись за какую-то большую, стоящую на грани возможности оптики задачу. И тут в памяти всплыл полузабытый научно-фантастический рассказ И.А. Ефремова: производя раскопки, палеонтологи находят старинную плиту, над которой парит в воздухе объёмный портрет пришельца из чужого мира, погибшего миллионы лет тому назад» [10].

Надо сказать, что с чудом, в чём-то подобным описанному в «Звёздных кораблях», Ефремову довелось столкнуться в Монголии. Беседовавшая с ним А.А. Юферова упоминает о найденном гобийской экспедицией скелете рослого - более двух метров - человека какой-то древней, домонгольской народности [15]. Находка

оказалась столь необычной, что её в то время просто нельзя было опубликовать. Интересно, где сейчас эти кости - в Москве, в Улан-Баторе?.. И где настоящие учёные, которые не отмахнутся от того, чего «быть не может»?

Рассказ (больше «тянущий» на повесть) «Катти Сарк» - это ещё один пример того, как писатель может воздействовать на действительность. «Катти Сарк» - легендарный британский парусный корабль, чайный клипер, построенный в семидесятые годы XIX века в Шотландии одновременно с другой знаменитостью парусного флота - клипером «Фермопилы». Нэн Короткая Рубашка (Cutty Sark) - так зовут молодую ведьму из поэмы Бернса. Её имя дал паруснику судовладелец Джон Виллис. Заинтересовавшийся историей «Катти Сарк» Ефремов написал о ней рассказ, который завершался полностью придуманной версией о постановке парусника в музей в Америке. После перевода рассказа и его издания в Англии жители этой страны вспомнили о своём знаменитом чайном клипере. В 1952 году в Британии было создано Общество сохранения «Катти Сарк», которое на собранные деньги реставрировало корабль и поставило его на сухую стоянку. Узнав из писем английских читателей новые факты, Ефремов переделал свою повесть, теперь она полностью соответствует истории замечательного парусника.

По смыслу к «Рассказам о необыкновенном» примыкает написанный в конце 50-х годов рассказ «Юрта ворона», повествующий о подвиге геолога. Несколько особняком располагаются «Адское пламя» (1948), как ответ на возрастающую ядерную угрозу, а также историко-этнографический - «Афанеор, дочь Ахархеллена» (1958-59). Научно-популяризаторская составляющая «Рассказов о необыкновенном» сегодня уже во многом устарела, но навсегда останется их героико-романтическая ценность. Особенно ярко она воплощена в произведениях, связанных с морской тематикой («Встреча над Тускаророй» - о находке на погибшем старинном корабле удивительной рукописи; «Последний марсель» - героический эпизод тогда ещё продолжавшейся Второй мировой войны; конечно - «Катти Сарк»), а также в рассказе «Белый рог» - о подвиге, рождённом любовью к женщине.

Отдельно - и по времени написания, и по сюжету - располагается рассказ «Пять картин» (1965). Он

представляет собой небольшой научно-фантастический этюд в поддержку творчества художника А.К. Соколова, чьи работы в рассказе обсуждаются людьми будущего (хотя и не такого далёкого, как будущее романов «Туманность Андромеды» или «Час Быка»). Интересно, что ничего не знавший об А.К. Соколове художник Александр Алмистов создал свои пять картин на основе этого ефремовского произведения.

В 1945-46 годах Ефремов пишет историческую дилогию «Великая дуга». В ней сопоставляются истоки светлой, эмоциональной культуры Эллады с религиозной культурой Древнего Египта, с его зверообразными богами, пришедшими из первобытных времён, глубокими тайнами и некогда великой мудростью, утраченной под пятой деспотизма.

Первая часть дилогии, «Путешествие Баурджеда», переносит нас в Египет времени строительства Великих Пирамид. Огромная глубина веков, но писателю удаётся мастерски передать обстановку той эпохи, так что при чтении слышится плеск нильской воды от мерных ударов вёсел и гулкое эхо шагов под сводами храмов и подземелий, скрывающих древние тайны. И встают перед взором красочные картины других стран, не находящихся под властью египетских царей, - ведь повесть рассказывает об экспедиции, направленной фараоном на разведку новых земель. Участники экспедиции, пройдя Африку с севера на юг и претерпев в пути множество трудностей, делают «святотатственное» открытие: страна фараона - лишь маленькая полоска суши в огромном мире, крохотная и далеко не лучшая часть его. Очень ярко в повести изображена порождаемая деспотизмом атмосфера безысходности (эта тема потом будет развита в романе «Час Быка»); с большой любовью показан с виду незаметный героизм тех простых людей из народа, которые смогли жить в это время и сохранить свою душу, трудились, любили, создавали песни, сказки и предания. Неудивительно, что «Путешествие Баурджеда» удалось издать только в год смерти Сталина - слишком очевидные ассоциации должна была вызывать эта повесть.

А вот вторую часть дилогии, «На краю Ойкумены» (иногда так называют всю дилогию), удалось опубликовать в 1949 году. Действие этой повести происходит примерно через два тысячелетия после «Путешествия Баурджеда». В ней рассказывается о молодом эллине – художнике, стремящемся познать законы красоты, о его странствиях, о египетском плене и борьбе за свободу; о человеческом братстве, не обусловленном ни цветом кожи, ни религией и о первых искорках зари в самом конце «Тёмных веков» истории Древней Греции. Начиная с этой повести в творчество писателя прочно входит тема красоты.

Становление Ефремова-писателя состоялось так же стремительно, как и Ефремова-учёного. Отличительная черта его художественного творчества - тщательное изучение всех относящихся к теме произведения материалов: геолого-географических, биологических, астрономических, археологических и исторических, вплоть до деталей костюмов и особенностей поведения описываемой эпохи. Именно поэтому, в отличие от многочисленных пёстрых «миров» «фэнтези», ефремовский мир реален, даже если это фантастика.

Другая особенность его литературного творчества - чередование художественных фрагментов с «популярными лекциями», - хотя это и наносит ущерб чистой художественности, приближая литературное произведение к античным «диалогам». Вот что об этом говорил сам писатель: «...Попробовал бы Чехов вкратце объяснить незнакомому с наукой читателю, что такое Галактика, посмотрели бы мы, куда девалась его краткость и точность!» [5].

Но художественные фрагменты произведений Ефремова - это мастерски выполненные картины с полным эффектом присутствия. «Ослепительная белая полоса пены прибоя окаймляла золотые серпы прибрежных песков. Позади, к северу, тянулись ряды голубых огромных гор. Хребтистая масса остроконечной Львиной горы отделяла полумесяц Кейптауна от приморской части Си-Пойнта, где даже с высоты была видна сила прибоя открытого океана», - пишет никогда не бывавший в Южной Африке Ефремов в рассказе «Встреча над Тускаророй», и читатель чуть ли не физически ощущает себя стоящим на вершине Столовой горы, возвышающейся над Кейптауном.

Себя Иван Антонович называл не писателем, а «описателем», «неудавшимся художником», создавая при этом такие незабываемые полотна: «Шторм установился в одном направлении. Клипер нёсся сквозь бушующий океан словно заколдованный. Гривастые водяные горы вздымались вокруг, угрожая задавить судно своей тяжестью, но не могли даже захлестнуть палубу, обдаваемую только брызгами. Серые разлохмаченные облака с огромной скоростью бежали по небу, обгоняя "Катти Сарк"».

Или вид, открывающийся с самолёта, в романе «Лезвие бритвы»: «...Ивернев всматривался с высоты в грандиозную панораму Гималаев. Внизу полчища исполинских вершин шли рядами, как волны космического прибоя, покрывшие часть земной коры между двумя великими странами».

И столь же ярок свет иных солнц в космических произведениях писателя. Он всюду был дома.

Вершины и пропасти

Год 1957-й оказался богатым на эпохальные события: начало «оттепели» в СССР, запуск первого искусственного спутника Земли и первая публикация романа Ефремова «Туманность Андромеды», ставшего классикой научно-фантастического жанра. К настоящему времени эта книга переиздана более восьмидесяти раз на 39 языках. Десятитомник «Шедевры мировой фантастики», изданный во Франции в 1970 году, открывается романом «Туманность Андромеды».

В книге изображено коммунистическое (гуманистическое) общество Земли далёкого будущего (конца четвёртого тысячелетия н.э.), яркие картины жизни всепланетной общины тружеников, творцов и героев, связанной через Великое Кольцо с общинами других миров Вселенной. Показаны общественное устройство (подобное структуре человеческого мозга: постоянно действующий форум со своими исследовательскими и координационно-ассоциативными центрами), достижения науки и искусства, система образования и воспитания и, главное, - люди, населяющие тот мир, до которого нам ещё так далеко.

«Туманность Андромеды» - это победная симфония восходящего к звёздам человечества.

Ефремов не принимает господствующую сегодня космологическую концепцию конечной Вселенной, возникшей в результате «Большого Взрыва» и с тех пор «разбегающейся», - эта теория действительно вызывает большие вопросы. В романе предлагается иное объяснение «красному смещению» в спектрах галактик, помимо их поголовного разбегания и «Сотворения Мира» в прошлом. Вслед за Демокритом и Великим Джордано Бруно автор «Туманности Андромеды» утверждает безграничность Вселенной, а следовательно - бесчисленное число населённых миров в ней. А отсюда вывод: то, что в романе называется Великим Кольцом, в Космосе существовало всегда, и присоединение к нему Земли - вопрос времени. Но до того нам нужно навести порядок у себя дома. «До звёзд ещё далеко, очень далеко, но жить-то нам на Земле, и её надо приводить в порядок», - говорил Ефремов, вторя Маленькому Принцу.

Роман о коммунистическом обществе отнюдь не был встречен официальной критикой на «ура». Особенно ополчились на Ивана Антоновича «твердокаменные» марксисты-ленинцы. Оно и понятно - какой-то «неправильный» коммунизм у писателя получился - ни тебе партийного руководства, ни стройных рядов, рапортующих о выполнении «исторических решений». В «Экономической газете» развернулась кампания против «Туманности Андромеды» и её автора, а вот «Литературная газета» встала на сторону Ефремова. Позже роман был даже экранизирован, но крайне плохо. А совместный советско-итальянский проект экранизации «Туманности...», с участием М. Мастрояни, наши «коммунистические» власти «зарубили».

Среди многих затронутых в «Туманности Андромеды» тем необходимо выделить одну, чрезвычайно актуальную сегодня. В 1954 году в городе Обнинске была пущена первая в мире атомная электростанция. Ефремов стал одним из первых, кто обратил внимание на опасность современной ядерной энергетики - основанной на делении атомных ядер. В романе (написанном в 1955-56 гг.) от имени людей будущего говорится: «Губительное влияние излучения на жизнь заставило отказаться от старой ядерной энергетики». Также в этой книге рассказывается о трагедии планеты Зирда: её цивилизация погибла не из-за ядерной войны, а вследствие постепенного, исподволь, нарастания искусственной радиоактивности, в один злополучный день перешедшей качественный рубеж.

Дополнением к «Туманности Андромеды» стала повесть «Сердце Змеи» (или «Cor Serpentis», 1958) - полемический ответ на рассказ М. Лейнстера «Первый контакт». Герои повести - экипаж затерянного в космосе земного звездолёта - обсуждают этот рассказ Лейнстера (разумеется, как очень старинную книгу): «Большинство говорило о полном несоответствии времени действия и психологии героев. Если звездолёт смог удалиться от Земли на расстояние четырёх тысяч световых лет всего за три месяца пути, то время действия повести должно было быть даже позднее современного. Никто ещё не достиг таких глубин космоса. Но мысли и действия людей Земли в повести ничем не отличаются от принятых во времена капитализма, много веков назад!» Ефремов, как системный мыслитель, не мог согласиться с подобной несуразностью, процветающей в современной фантастике. Огромные энергии, которыми должно овладеть общество для межзвёздных (не межпланетных, а именно межзвёздных) полётов, налагают на него требование высокого духовно-этического уровня, никак не совместимого с капиталистической психологией. Иначе - раньше наступит гибель (либо возвращение в варварство). В этом смысле нынешняя эпоха, переживаемая человеческим обществом, является критической: по степени своего технического могущества человечество уже превратилось, как говорил В.И. Вернадский, в геологическую силу, но вот хватит ли у него воли поднять явно отстающий духовно-этический уровень, преобразовать должным образом свою жизнь, очистить планету как от физических, так и от моральных загрязнений?..

И другая тема, затронутая в «Звёздных кораблях» и в «Туманности Андромеды», развивается в «Сердце Змеи»: убеждённость Ефремова *как учёного* в антропоморфности всей разумной жизни во Вселенной. Позже эта важная мысль будет им обоснована в статье «Космос и палеонтология» (1968) [2].

В 1959 году (а до того – в середине 50-х) обостряется болезнь сердца. Пришлось отказаться от экспедиции в Китай, куда Иван Антонович ездил с подготовительными целями в 1958-м. После выздоровления выясняется, что его возвращение в Палеонтологический институт нежелательно дирекции во главе с В.А. Орловым. Тем самым Орловым, с которым они вместе путешествовали по Гоби! Зависть? Затаённая обида? Или негласный нажим «сверху»?.. В результате Ефремов вынужден оставить работу в институте «по состоянию здоровья». Будучи настоящим учёным, он продолжает живо интересоваться новостями науки, и не только палеонтологической. История - как «социальная палеонтология», психология - как «палеонтология души», передний край физической науки... - немного найдётся людей, которые смогли бы, подобно Ефремову, творчески усвоить такое огромное количество информации по различным областям знания и создать прямо-таки «золотые россыпи» будоражащих идей и прекрасных образов. Но самое главное - с ним его «добрый ангел», его подруга Таисия Иосифовна Юхневская-Ефремова, которой он посвятил свои книги «Таис Афинская» и «Час Быка» и чьи черты угадываются в героине «Лезвия бритвы» Симе Металлиной.

Роман «Лезвие бритвы» написан в 1959-63 гг. и вскоре издан. Его можно рассматривать как ответ на печаль, которая примешивается к воодушевлению от «Туманности Андромеды». Ведь мир ефремовского будущего невообразимо далёк, а вокруг - социальная неустроенность, чудовищное мещанство и невежество, море мелочных проблем. В «Лезвии бритвы» Ефремов показывает, что Человеком можно быть и сегодня.

Действие романа разворачивается в середине XX века в самых разных точках Земного шара - в России, Италии, Южной Африке, Индии. Есть среди героев романа и один чеченец, но не бандит, какими сегодня стремятся изобразить всех представителей этого народа, а молодой учёный, историк. Сюжет прост, поверхностному читателю книга даже может показаться примитивной. В 1971 году Иван Антонович напишет об этом В.И. Дмитревскому: "Лезвие бритвы" и по сие время считается высоколобыми критиками моей творческой неудачей. А я ценю этот

роман выше всех своих (или люблю его больше). Публика его уже оценила - 30-40 руб. на чёрном рынке, как Библия. Всё дело в том, что в приключенческую рамку пришлось вставить апокриф - вещи, о которых не принято было у нас говорить, а при Сталине просто - 10 лет в Сибирь: о йоге, о духовном могуществе человека, о самовоспитании...» [5]. Духовное, психическое и физическое совершенствование, самовоспитание, познание - по этим ступеням происходит восхождение в ефремовское будущее. По этим ступеням идут герои романа «Лезвие бритвы», борясь со злом как в мире, так и в себе.

«Лезвие бритвы» - это обновлённая через столетие после знаменитого романа Н.Г. Чернышевского версия «рассказов о новых людях», представителях будущего в настоящем. Ефремов отмечал, что «Чернышевский первым заговорил о прекрасном будущем, как о настоящей реальности, достижимой в соединённых усилиях людей» [12]. «И думается, почему бы людям не создавать дружеских союзов взаимопомощи, верных, стойких и добрых? Вроде древнего рыцарства... Насколько стало бы легче жить. А дряни, мелким и крупным фашистикам, отравляющим жизнь, пришлось бы плохо», - рассуждает героиня романа - итальянка Сандра. Между прочим - чудесный проект выращивания подлинно человеческих отношений, без которых немыслимо никакое прекрасное будущее.

Также роднит Ефремова с Чернышевским убеждённость в том, что развитие человечества без освобождения женщины от патриархального унижения невозможно, если не сказать - абсурдно, - здесь оба автора просто непреклонны. Тема свободы и человеческого достоинства женщины постоянно присутствует и в «Лезвии бритвы», и в романах о будущем, и, конечно, в «Таис Афинской» и вполне естественно дополняется темой красоты. В отличие от Чернышевского, Ефремов не считает прекрасное понятием исключительно классовым. Для него наряду с сословными и исторически-обусловленными *вкусами* существуют фундаментальные *каноны красоты*, выработанные долгой природной эволюцией человека.

Аналогично представление автора «Лезвия бритвы» о происхождении этических норм, и здесь можно усмотреть параллели ещё, по крайней мере, с двумя мыслителями. Во-первых, с немецко-американским социальным психологом Эрихом Фроммом, который рассматривал этику на двух уровнях: глубинном, отвечающем человеческой природе, и исторически и социально обусловленном, отвечающем определённым историческим формам общества и социальным группам. Во-вторых, с русским анархистом Петром Алексеевичем Кропоткиным, который тоже связывал выработку этических норм с природной эволюцией человека. И эта параллель не случайна, ведь Кропоткин, как и Ефремов, был выдающимся учёным-натуралистом, автором идеи о ледниковом периоде, сегодня признанной в научном мире практически всеми. Глубокое чувствование и знание природы роднит обоих учёных и борцов.

В то же время Ефремов прекрасно понимает, что в «геологических» пластах человеческого подсознания содержится не одно только прекрасное и доброе. Позже он скажет об этом: «Негативный опыт человечества несравнимо сильнее, ярче и глубже позитивного, иными словами, зло и злодеяние всегда доступнее для человеческого понимания, именно в силу тысячелетнего накопленного инфернального, как говорится в "Часе Быка", опыта. Поэтому мрачные картины, всякого рода чудовища, садистские проявления - все это, увы, воспринимается сильнее и ярче, чем картины прекрасного будущего, добрых человеческих отношений и так далее. Я назвал бы это темными струнами человеческой души, которые всегда легче затронуть, чем светлые струны. ...Эту склонность больше прислушиваться к мрачному и злобному, больше верить в несправедливость и зло, чем в добро, надо побеждать "магией очарования"» [7]. И далее, цитируя Репина: «Искусство должно быть очаровательным». В этом писательское кредо Ефремова: изображая красоту - прекрасных женщин и доблестных мужчин, красоту явлений природы и произведений искусства, красоту героического бытия, - стараться затронуть светлые струны человеческой души, направить её на путь самосовершенствования. «Красота спасёт мир», - говорил Достоевский. «Сознание красоты спасёт мир», - уточнял Н.К. Рерих. Ефремов называл красоту **светозарным мостом в будущее.**

Написанный в конце 60-х многоплановый роман «Час Быка» представляет собой продолжение «Туманности Андромеды», обе книги можно рассматривать как дилогию. Действие романа происходит лет через 150-200 (а пролога и эпилога - через триста) после событий «Туманности Андромеды». (Создававшийся крайне тяжело, на фоне обострившегося недуга, он, к сожалению, не избавлен от некоторых противоречий, не замеченных в своё время автором и теперь переходящих из издания в издание.) Светлому миру Земли противопоставляется мрачная антиутопия планеты Торманс (это название взято у Артура Линдсея и означает «мучение»). Торманс (другое название - Ян-Ях) - это наш сегодняшний мир, точнее - его преобладающие

тенденции, доведённые до полного развития. Цивилизация этой планеты содержит черты всех «магистральных путей» земной цивилизации XX века: «реального социализма», капиталистического мира (и нашей современной действительности), фашизма и маоистско-полпотовского лжесоциализма. Следует отметить, что о Пол Поте во время написания романа ещё не знали, он придёт к власти в Камбодже только через несколько лет. А вот в Китае страшная социальная катастрофа под названием «культурная революция» уже развернулась.

Планета Торманс пережила экологическую катастрофу: природные ресурсы истощены, наряду с «цивилизованными» областями - мёртвые пространства и руины городов, по которым ходят одичавшие толпы, - за несколько лет до «Римского клуба» Ефремов затронул тему пределов роста неразумного хозяйствования. Впрочем, сам он в авторском предисловии к книге ссылается на Богданова и Ленина, ещё в начале XX века обсуждавших эту проблему.

Торманс заселён беглецами с Земли, в самом конце существования классового общества покинувшими родную планету в «космическом ковчеге». На первый взгляд, в этом видится отход от принципа доступности межзвёздных полётов только этически и социально благополучным обществам, отстаиваемого в «Сердце Змеи». На самом деле перед нами исключение, которое лишь подтверждает правило: летевшие наудачу, беглецы оказались волей случая (точнее - неведомого им физического закона) заброшены на невообразимо далёкую планету. Варварски «освоив» её и истощив природные ресурсы, они, соответственно, свалились в пропасть чудовищного варварства и уже не помышляли ни о каком космосе. Например, для большинства населения планеты существует обязанность «ранней смерти» - так решается демографическая проблема. Разумеется, строй, сложившийся на планете в этих условиях, мог быть только олигархическим. А от прошлого осталась официальная легенда: первые тормансиане прибыли с Белых Звёзд. С этой мифической прародины ими были привезены тексты «Великого гения Цоама», духовного отца тормансианской олигархии. Прочитав это загадочное имя в обратном порядке, нетрудно увидеть, что речь идёт о Мао Ц[зе-дун]е.*)

*) Некто, подписавшийся как Fall из отдела контрразведки Российской маоистской партии (ни больше, ни меньше!), прислал мне в телеконференцию сообщение, заканчивающееся словами: «Ефремовские фантазии ("Туманность Андромеды" и т.п.) на деле очень идеологизированы и жестоки. Не хотел бы я жить при таких порядках». То, что маоист предпочитает Торманс (как и должно быть, по идее), явствует из такой приведённой им цитаты: «Полное жизни животное, свирепое со своими врагами, дикое и свободное в своих страстях, - такой мне хочется видеть коммунистическую диктатуру» (Тони Негри). Fall возражает против моей приверженности гуманистическому социализму, утверждая (подобно «демократам»), что «социализм - это теоретический и практический антигуманизм». Но если «демократы» говорят это с негативной оценкой, то маоист - с самой позитивной. Как всё это прекрасно иллюстрирует идеи Ефремова о пути «по лезвию бритвы» между пропастями, о тупиковости и капитализма, и лжесоциализма!

А ещё из книги явствует, что и земляне, прежде чем перейти к созданию справедливого общества (к Эре Мирового Воссоединения), также прошли через тяжёлые катастрофы, включая третью мировую войну с применением ядерного оружия. Но воля к Жизни победила, Час Быка (или Демона) на планете закончился, и через две тысячи лет жители Земли пришли на помощь к своим далёким братьям и сёстрам, всё ещё пребывающим в инферно (по-латыни - «ад», «преисподняя»). Земляне не устраивали бессмысленных политических переворотов на Тормансе, они дали жителям этой планеты надежду и знания, снабдили некоторыми техническими средствами и научили приёмам психической тренировки. После этого тормансиане сами покончили с инферно у себя дома, сочетая выращивание новых общественных и человеческих отношений с адекватной самозащитой от преступной власти - по третьему закону Ньютона (действие равно противодействию).

Первая публикация «Часа Быка» в сокращённом журнальном варианте состоялась в 1968 году, отдельной книгой роман вышел в 1970-м. А затем последовала записка в ЦК КПСС за подписью шефа КГБ Ю.В. Андропова, резолюция «главного идеолога» М.А. Суслова, специальное заседание Секретариата ЦК (12 ноября 1970 г.) и решительный запрет романа, его изъятие из библиотек и магазинов, - высшие сановники государства в олигархах Торманса узнали себя. «В романе "Час Быка" Ефремов под видом критики общественного строя на фантастической планете "Торманс" по существу клевещет на советскую действительность...» - говорилось в записке Андропова. А в постановлении Секретариата ЦК с грифом «Сов. секретно», в частности, сказано: «...писатель допустил ошибочные оценки проблем развития социалистического общества, а также отдельные рассуждения, которые дают возможность двусмысленного толкования». Ефремова пригласили на беседу к секретарю ЦК П.Н. Демичеву, который, к удивлению писателя, оказался хорошо знаком с его произведениями и даже просил присылать рукописи будущих книг. Эта просьба была впоследствии выполнена - Демичеву была отправлена рукопись последней книги Ефремова «Таис Афинская». Беседа состоялась в марте 1970 года, на ней Ефремов не согласился с «некоторыми критическими оценками его научно-фантастического романа», как говорилось в записке отдела культуры ЦК.*) Книга была запрещена. Интересно, что в уже цитированном письме В.И. Дмитревскому от 25 мая 1971 года Иван Антонович говорит: чтобы этот роман стал привычным, должно пройти ещё лет пятнадцать «поступательного движения нашей литературы» [5]. Он ошибся лишь на один год: в 1987 году на волне «гласности» запрет на упоминание и переиздание «Часа Быка» был снят.

*) Подробности истории с запретом «Часа Быка» опубликованы в материалах первой части Международного симпозиума, посвящённого И. Ефремову (1997 г.), мною излагается по статье М.С. Листова в «Московском журнале» (№ 7, 1999) - см. список литературы, [9]. Листов Мстислав Степанович - лётчик-испытатель, пошедший в авиацию под влиянием романтики книг Ефремова и де Сент-Экзюпери, автор кинофильма «Откровение Ивана Ефремова», один из

организаторов Центра ноосферных знаний и культуры им. Ивана Ефремова.

Но предвидел ли Ефремов, где мы все окажемся ещё через пять лет? На этот вопрос ответ утвердительный. В том же 1971 году он пишет своему американскому другу, палеонтологу Эверету Олсону:

«Мы можем видеть, что с древних времён нравственность и честь (в русском понимании этих слов) много существеннее, чем мечи, стрелы и слоны, танки и пикирующие бомбардировщики. Все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности. Это является единственной причиной катастроф во всей истории, и поэтому, исследуя причины почти всех катаклизмов, мы можем сказать, что разрушение носит характер саморазрушения.

Когда для всех людей честная и напряжённая работа станет непривычной, какое будущее может ожидать человечество? Кто сможет кормить, одевать, исцелять и перевозить людей? Бесчестные, каковыми они являются в настоящее время, как они смогут проводить научные и медицинские исследования? Поколения, привыкшие к честному образу жизни, должны вымереть в течение последующих 20 лет, а затем произойдёт величайшая катастрофа в истории в виде *широко распространяемой технической монокультуры, основы которой сейчас упорно внедряются во всех странах*...» [3] (курсив мой). Роман «Час Быка» создавался на фоне этих тревожных мыслей. И разве это пророчество не напоминает сегодняшние реалии? *) (Конечно, можно пойти дальше и искать социальные причины самого падения нравственности в каждом конкретном случае, но это уже следующий шаг, в контексте всего цитированного письма непринципиальный.)

Когда в массовом сознании честность и сознательная ответственность превращаются в высшую глупость, в рискованное чудачество, либо рассматривается лишь с точки зрения «выгоды», общество морально распадается. А тогда скатывание в пучину олигархии и деспотической власти, будь то власть партии или власть денег и мафиозных кланов, - это только дело времени. Что толку в хвалёных западных демократиях, если в тех же странах базируются по своему внутреннему устройству насквозь авторитарные транснациональные корпорации - носители той самой «технической монокультуры», - своей мощью сопоставимые с государствами? Если эти корпорации и их экономические и военно-политические агенты (МВФ, НАТО и др.) устраивают в буквальном смысле «беспредел» в странах, не входящих в «золотой миллиард» либерального Запада? И долго ли продержится демократия в «развитых» странах, если не будет духовно-нравственного развития их народов, а «третий мир» откажется быть их сырьевым придатком (и это время уже не за горами)?..

Но вернёмся в 70-е годы. Точнее - в гораздо более раннее время, ведь в 1970-71 гг. Ефремов пишет исторический роман «Таис Афинская». Главная героиня этого произведения - афинская гетера Таис, участница похода Александра Македонского, реальный исторический персонаж (в русских переводах античных авторов её ошибочно называли Фаидой, так же, как богиню Артемис по сей день упорно зовут Артемидой). Целью книги стало «показать, как впервые в европейском мире родилось представление о гомонойе - равенстве всех людей в разуме, в духовной жизни, несмотря на различие народов, племён, обычаев и религий... В этом-то собственно главный стержень этого этапа развития истории человечества (с нашей, европейской + индийской точки зрения)», - говорил Ефремов [5]. Идея равенства всех людей, очень важная для осознания человеком своего места в мире, противостояла бытовавшим в греческой политической мысли представлениям о резком противостоянии двух миров: эллинов и «варваров». Эта точка зрения разрабатывалась Аристотелем, считавшим, что «варвары» (особенно, «варвары» Азии) самой природой предназначены быть рабами. Один из героев романа - загадочный делосский философ-орфик – подчёркивает опасность такой точки зрения. Выведен в книге и Аристотель - надо сказать, как отвратительный персонаж: духовно ущербный женоненавистник и сноб.

По мнению Ефремова, в исторических работах, тонувших в датах, сменах царств и войнах, очень мало уделялось внимания самому драгоценному - духовному развитию человечества. А ведь в описываемое в романе время произошли большие религиозные кризисы. «Произошедшая повсеместно замена древних женских божеств на мужские, нарастающее обветшание культа олимпийцев, влияние индийской религиозно-философской мысли повели к развитию тайных вероучений», - говорит Ефремов в предисловии к роману. В ушедших в «подполье» верованиях «живая человеческая мысль пыталась найти выход расширяющимся представлениям о Вселенной и человеке, скованным требованиями официальных религий...» Всё это при подготовке книги пришлось собирать по крохам, заполняя пустые места фантазией. Велик интерес писателя к уходящим в глубокую древность матриархальным культурам Малой Азии, доиндоевропейских Крита и Индии, так благотворно повлиявших на пришедшие им на смену Элладу и домусульманскую Индию. Последние, в свою очередь, обогатили друг друга в результате похода Александра.

Журнальная публикация романа «Таис Афинская» состоялась в 1972 году. Его автор не дожил двух месяцев до окончания публикации - ухудшавшееся со второй половины 60-х здоровье привело 5 октября 1972 года к смерти из-за сердечной недостаточности...

Известно, что святая жизнь не обходится без посмертного надругательства. Примерно через месяц после ухода Ивана Антоновича к нему домой пришли люди из КГБ и устроили 13-часовой обыск. Как говорила Таисия Иосифовна, гебисты ещё удивлялись, что такой известный писатель жил всего лишь в двухкомнатной квартире с низкими потолками. Вопреки распространённому мнению, никакие рукописи при обыске изъяты не были, взятые на экспертизу предметы потом почти все вернули, за исключением «холодного оружия». Вообще, вся история выглядела несколько абсурдно.

В 1991 году, благодаря публикации подполковника В. Королёва в журнале «Столица» [6], стали известны некоторые новые, сенсационные подробности. Королёв сообщил, что в КГБ была создана нелепая история, согласно которой Иван Ефремов - английский разведчик, подменивший «настоящего» Ефремова в Монголии. Точно неизвестно, когда было начато «дело» Ефремова, но известно, что велось оно ещё восемь лет после его смерти

(!) и «распухло» до сорока томов. Наверное, приплели несоответствие настоящего отчества и года рождения анкетным данным и, конечно, отличное знание английского языка. Вёл «расследование» генерал-лейтенант В.И. Алидин.

Светлой памяти Василий Дмитриевич Захарченко, долгое время бывший главным редактором журнала «Техника-молодёжи», в статье «Роман из вранья» так прокомментировал эту абсурдную историю: «И на всю эту недостойную возню тратились народные деньги, расходовались энергия и время. И кому-то она была нужна. Даже необходима. В первую очередь тем, кто видел в произведениях великого фантаста приговор собственному ничтожеству» [4].

Ефремова боялись, за ним чувствовали огромное моральное превосходство и загадочную силу, опасную для высших сановников государства, их прихлебателей и «цепных псов». Иван Антонович по убеждениям был гуманистическим коммунистом и именно поэтому не состоял в КПСС. Как само собой разумеющееся, он отказывал в претензиях на коммунистичность «высшим идеологам» и «руководителям» страны и давал людям иные ориентиры. Всё наше «политическое руководство» с этой точки зрения оказывалось лишь паразитическим наростом на теле общества. Паразитом, в течение десятилетий живущим за счёт огромной революционной энергии народа, противоречиво выплеснувшейся в 1917 году. Характерный эпизод: за «Туманность Андромеды» её автору в своё время была обещана Ленинская премия, но при условии - переделать роман, отразив в нём роль компартии в построении коммунистического общества. Писатель отказался.

В романе «Лезвие бритвы» высказывается такая мысль: «Церковь к концу средневековья разрослась в мощную организацию с широкой и неограниченной властью, и по законам диалектического развития зёрна ошибок, посеянных при её основании, разрослись до неизбежного противоречия с самим существом христианской религии - до чудовищного по кровожадности и жестокости преследования ведьм, а заодно и всякого свободомыслия». Возможно, это мои домыслы, но я не мог избавиться от впечатления, что данная цитата относится не только к Католической церкви, но и к большевистскому эксперименту в Российской революции. Во всяком случае, мысль, высказанная здесь Ефремовым, вполне описывает эту ситуацию.

В произведениях Ивана Антоновича немало доброжелательных слов о Советской России - «первой стране социализма». Например, главная героиня романа «Час Быка», начальница земной экспедиции и историк Фай Родис говорит: «*Опять* Россия - первая страна социализма. Именно она пошла великим путём по лезвию бритвы между гангстеризующимся капитализмом, лжесоциализмом и всеми их разновидностями. Русские решили, что лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о людях и с большей справедливостью, искоренить условия и самое понятие капиталистического успеха, искоренить всяческих владык, больших и малых, в политике, науке, искусстве» (курсив мой). Приведённую цитату, равно как и другие подобные высказывания в книгах Ефремова, нельзя рассматривать как апологетику советского строя 60-х годов, ведь путь «по лезвию бритвы», о котором здесь говорится, отрицает хрущёвско-брежневские представления о коммунизме как о потребительском рае, засилье «идеологии», культ «генсека» и другие реалии того времени, вполне очевидные для такого самостоятельно мыслящего человека, как Ефремов. Здесь писатель, глубоко любивший Россию, высказывает надежду на будущее, для которого он трудился, не покладая рук. Надежду, которая с тех пор так и не оправдалась, а события конца 80-х – начала 90-х годов привели лишь к замене псевдосоциализма «гангстеризующимся капитализмом».

Говоря о «социалистических странах» (по-хорошему, это словосочетание следует брать в кавычки), будет целесообразно сопоставить высказывания Ефремова и ещё одного выдающегося учёного, философа-системщика, писателя-фантаста и «еретика» от социализма. Речь идёт об Александре Александровиче Богданове, творчество которого Иван Антонович, конечно, знал. В своём романе-утопии «Красная звезда» (1908 год) Богданов предсказывает: «...Даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажён многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины с неизбежным последствием – варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм». Так и произошло - в 1917-м году была предпринята первая серьёзная попытка прорыва к социалистическому обществу, которая по ряду как субъективных, так и объективных причин завела «не туда». В «Часе Быка» говорится, что «на первых порах на Земле социализм уподоблялся капитализму в его гонке за материальной (в том числе военной, - А.К.) мощью и массовой дешёвой продукцией», при этом в жертву приносились воспитание, искусство, невосполнимые природные ресурсы и сами люди. Крайние, тоталитарные проявления этой тенденции - сталинский, маоистский, северокорейский и им подобные режимы - в романе получили название «муравьиного лжесоциализма». А террор 30-50-х годов в СССР Иван Антонович в одном письме охарактеризовал как «мясорубку».

В романе «Час Быка» подробно обсуждается актуальная и сегодня тема антиолигархической гуманистической революции. «Устранение верхушки ничего не решает: на месте убранных сейчас же возникнет новая вершина из нижележащего слоя. У пирамиды надо развалить основание, а для этого необходимо дать нужную информацию именно "кжи" (т.е. рабочим, находящимся внизу пирамиды - А.К.)», - размышляет главная героиня романа. Её друг подтверждает, что «это давняя методика всех подлинных революций. Приспеет время, и пирамида рухнет, но только когда внизу накопятся силы, способные на организацию иного общества. ...для этого нужен союз "джи" (интеллигенции - А.К.) с "кжи"». А ведь во многом именно на негласном противопоставлении интеллигенции и рабочих держалась сталинско-брежневская бюрократия. Вообще, на нём держатся все олигархии. А при фашистских и им подобных диктатурах это противопоставление доходит до «профилактического» натравливания «низов» на интеллигенцию - и в страхе держать кого надо, и позволить «толпе» разрядить недовольство.

Перечисленного достаточно, чтобы понять, почему Иван Антонович был опасен режиму. Вскоре после его

ухода на любое упоминание имени Ефремова, даже в научных трудах по палеонтологии, был наложен глухой запрет. К чести писателя-фантаста Александра Петровича Казанцева, он в этих условиях не побоялся открыто высказаться в защиту памяти Ефремова (обратившись непосредственно в ЦК). А вот Стругацкие, называвшие Ивана Антоновича своим Учителем и просто многим ему обязанные - за пробивание всевозможных заслонов, «спасение» публикаций и т.п., - не сделали ничего. «Высшие идеологи» государства отступили только благодаря развёрнутой подлинными друзьями Ефремова кампании, к которой были подключены известные учёные, деятели культуры, лётчики и космонавты. Самоотверженно боролась Таисия Иосифовна (которую регулярно дёргали вызовами в КГБ), очень много сделал М.С. Листов. В 1975 году запрет на упоминание имени учёного и писателя и на издание его книг (кроме «Часа Быка») был снят.

Тенденцию всякого плохо устроенного общества бить по самому хорошему Ефремов назвал Стрелой Аримана (или законом «направленного зла»). В течение жизни неоднократно испытывавший её удары, Иван Антонович черпал мужество в примерах героизма русских моряков во время войны 1904-1905 годов, о котором впервые прочитал в детстве. Вот как это отражено в «Лезвии бритвы»: «Сражение повреждённого, старого, заполненного спасёнными с броненосца «Ослябя» крейсера «Димитрий Донской» с пятью японскими крейсерами навсегда поразило воображение Гирина». А вот ещё об одном герое Цусимы, о миноносце «Безупречный»: «...Сима мысленно видела одинокий миноносец под огнём врага и опершегося на поручни мостика молодого лейтенанта. Её мама - дочь этого лейтенанта - была красавицей, значит, и дед - тоже. Миноносец упорно шёл вперёд сквозь огонь, пока не затонул...». И в последние годы жизни, с повреждённым сердцем, Иван Антонович сравнивал себя с броненосцем: могучий корабль получил смертельную пробоину, он продолжает вести бой, но, несмотря на все героические усилия капитана (Таисии Иосифовны) и команды (друзей), с торжественной обречённостью всё глубже и глубже уходит под воду... О броненосце «Ретвизан» он хотел написать повесть.

А ещё была задумана популярная книга по палеонтологии: «Та философская "жила", что пронизывает мои романы, берёт начало здесь, и я обязан популярно изложить читателю основы моей науки...» [11]. А ещё - роман-предупреждение (второй после «Часа Быка») «Чаша отравы». Также был задуман исторический роман «Дети росы» - о нашествии на Русь полчищ хана Батыя, перевернувшем историю нашей страны и, по-видимому, всей Евразии. В этой книге Ефремов намеревался «разглядеть корни деспотизма, исследовать эту - тоже переломную - эпоху беспощадно и беспристрастно...» [11]. Но и того, что он успел, хватило бы на несколько жизней.

Таков земной путь этого удивительного человека, ёмко характеризуемый вынесенными в эпиграф строками его любимых поэтов. Его прах покоится на Комаровском кладбище под Петербургом: могилу накрывает базальтовая плита, на ней - неправильный многогранник, на котором высечены два слова: Иван Ефремов – и годы жизни: 1907-1972.

Эрф Ром

Так зовут жившего «в пятом периоде Эры Разобщённого Мира» (то есть в наше время) философа и историка, на которого ссылаются герои «Часа Быка». Эрф Ром - это собирательный образ. Высказанные им идеи, да и само такое странное имя позволяют «заподозрить» в нём черты двух мыслителей XX века, живших по разные стороны «железного занавеса». Один из них - уже упомянутый Эрих Фромм. Он, как и Эрф Ром, изучал фашистские диктатуры Эры Разобщённого Мира и считал, что наука *будущего* должна стать не религией, а моралью общества («жажда знаний должна заменить жажду поклонения», - комментируется эта мысль в романе). Произведения Фромма в СССР до перестройки не издавались, Иван Антонович изучал их по английским изданиям, появившимся в его библиотеке благодаря американским друзьям.

Второй мыслитель - Иван Ефремов, автор теории инферно, создание которой в романе «Час Быка» приписано Эрф Рому. (В скобках надо заметить, что письма к Э. Олсону Иван Антонович в шутку подписывал «Старый *Эфраим*», - курсив мой.) Эта теория говорит о развитии Жизни во Вселенной.

Известно, что первым идею о жизни, как космическом явлении, в чём-то резко отличном от косной материи, высказал ещё в XVII веке Христиан Гюйгенс. Анри Бергсон, автор философского шедевра «Творческая эволюция» (1907 г.), говорил о жизни как о развивающемся процессе, идущем по пути повышения организации, то есть против закона возрастания энтропии, которому подвержена косная материя. Фромм также рассматривал жизнь как динамический творческий

процесс («быть»), противоположный окостенению, омертвению («иметь»).

От Бергсона через Э. Леруа и П. Тейяр де Шардена (кстати, палеонтолога) линия преемственности тянется к великому учёному и мыслителю Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863-1945), которого принято относить к школе «русского космизма». Ефремов является продолжателем этой традиции. Иногда его сравнивают с ещё одним выдающимся представителем русского космизма – К.Э. Циолковским. В определённом смысле такое сравнение допустимо, но следует отметить, что автор «Туманности Андромеды» и «Таис Афинской» отличается от «Калужского чудака» ярко выраженной жизнелюбивой («биофильной», - как сказал бы Фромм) жизненной установкой. В человеческом плане Ивану Антоновичу гораздо ближе поклонник поэзии Тютчева - В.И. Вернадский, которого он считал «самым великим учёным XX века и одним из выдающихся во все времена».

Ефремов рассматривает биологическую и социальную эволюцию как две последовательные ступени единого космического антиэнтропийного процесса. Необходимо отметить, что в таком видении мира нет ничего общего с социал-дарвинизмом, переносящим на общество биологический естественный отбор и объявляющим его неизбежным и необходимым, чуть ли не благом. «Пресловутый естественный отбор природы предстал как самое яркое выражение инфернальности, метод добиваться улучшения вслепую, как в игре, бросая кости несчётное число раз. Но за каждым броском стоят миллионы жизней, погибавших в страдании и безысходности. Жестокий отбор формировал и направлял эволюцию по пути совершенствования организма только в одном, главном, направлении - наибольшей свободы, независимости от внешней среды. Но это неизбежно требовало повышения остроты чувств - даже просто нервной деятельности - и вело за собой обязательное увеличение суммы страданий на жизненном пути», - излагается в «Часе Быка» суть теории инферно.

«Многотысячные скопища крокодилообразных земноводных, копошившихся в липком иле в болотах и лагунах; озерки, переполненные саламандрами, змеевидными и ящеровидными тварями, погибавшими миллионами в бессмысленной борьбе за существование. Черепахи, исполинские динозавры, морские чудовища, корчившиеся в отравленных разложением бухтах, издыхавшие на истощённых бескормицей берегах», - всё это не досужие домыслы, родившиеся в тиши кабинета, а реальность, понятая и прочувствованная во время палеонтологических раскопок. И далее: «Выше по земным слоям и геологическому времени появились миллионы птиц, затем гигантские стада зверей. Неизбежно росло развитие мозга и чувств, всё сильнее становился страх смерти, забота о потомстве, всё ощутительнее страдания пожираемых травоядных, в тёмном мироощущении которых огромные хищники должны были представлять подобие демонов и дьяволов, созданных впоследствии воображением человека. И царственная мощь, великолепные зубы и когти, восхищавшие своей первобытной красотой, имели лишь одно назначение - рвать, терзать живую плоть, дробить кости».

Человек оказался не только в биологическом, но и в социальном инферно: «А человек, с его сильными чувствами, памятью, умением понимать будущее, вскоре осознал, что, как и все земные твари, он приговорен от рождения к смерти (об этом также говорил Фромм - А.К.). Вопрос лишь в сроке исполнения и том количестве страдания, какое выпадет на долю именно этого индивида. И чем выше, чище, благороднее человек, тем большая мера страдания будет ему отпущена "щедрой" природой и общественным бытием - до тех пор, пока мудрость людей, объединившихся в титанических усилиях, не оборвёт этой игры слепых стихийных сил, продолжающейся уже миллиарды лет в гигантском общем инферно планеты...» («Час Быка»). В этой фразе содержится главное отличие концепции инферно от социал-дарвинизма. Восходящее развитие жизни привело человека к способности скорректировать сами законы этого развития. Человек становится не только объектом, но и фактором эволюции, и если он только сможет стать действительно разумным, то эволюция из слепой и жестокой превратится в осмысленную, инферно для человека будет преодолено. Такое превращение соответствует известной формуле Маркса о «прыжке из царства необходимости в царство свободы».

В свою очередь, преодолевая «естественность», нельзя удаляться от природы - будучи диалектиком, Ефремов это прекрасно понимает. «Пока природа держит нас в безвыходности инферно, в то же время поднимая из него эволюцией, она идёт сатанинским путем безжалостной жестокости. И когда мы призываем к возвращению в природу, ко всем её чудесным приманкам красоты и лживой свободы, мы забываем, что под каждым, слышите, под каждым цветком скрывается змея. И мы становимся служителями Сатаны, если пользоваться этим древним образом. Но бросаясь в другую крайность, мы забываем, что человек - часть природы. Он должен иметь её вокруг себя и не нарушать своей природной структуры, иначе потеряет всё, став безымянным механизмом, способным на любое сатанинское действие. К истине можно пройти по острию между двумя ложными путями»*), - говорит один из героев «Часа Быка» (Вир Норин) тормансианским учёным.

*) Эти идеи воспроизводят на современном уровне учение Будды: есть страдание (инферно), есть причина страданий - наша животная природа, есть прекращение страданий - подъём над животной природой - и есть ведущий к нему путь, который Будда называл Благородным Срединным путём (т.е. по лезвию бритвы). Нужно сразу пояснить, что Срединный путь означает не скучную «золотую середину», а гармонизацию противоречий.

Вообще, Ефремов с достойным вниманием изучал всё то ценное, что тысячелетиями разрабатывалось в религиозно-философских системах Востока - в индуизме, буддизме. С большим интересом он относился к Агни-Йоге, связанной с именем Рерихов (со старшим сыном знаменитого художника, известным востоковедом Ю.Н. Рерихом Иван Антонович был знаком лично). Как убедительно показала Александра Юферова [15], роман «Туманность Андромеды» представляет собой переосмысленное и избавленное от архаизмов изложение Агни-Йоги.

Разумеется, сказанное не означает, будто бы Ефремов являлся адептом всех этих учений и соглашался с ними в каждой букве. Точно также не был ортодоксальным буддистом Фромм, на которого учение Будды существенно повлияло.

Герои ефремовского будущего живут в тесном общении с природой. «Важнейшая сторона воспитания - это развитие острого восприятия природы и тонкого с ней общения», - размышляет героиня «Туманности Андромеды» Веда Конг. Есть в мире «Туманности...» и чуждый ему фрагмент. Это уголок «первобытного рая» - Остров Забвения, - куда по собственной воле удаляются ради «тихой жизни» уставшие от борьбы люди. Получая помощь от планеты, они страданий не испытывают и ведут себе полурастительное существование.

Существенное место в ефремовском творчестве занимает эротическая составляющая. Верный себе, писатель отрицает как ханжество и изуверский аскетизм, так и путь следования животным страстям. Эрос в ефремовских книгах - светлый, исполненный благородных, а не низменных, чувств. «Красота и желание женщин вызывают свинство лишь в психике тех, кто не поднялся в своих сексуальных чувствах выше животного... Встреча с Цирцеей была пробным камнем для всякого мужчины, чтобы узнать, человек ли он в Эросе», - говорит Фай Родис. А к ханжам и изуверам обращено такое высказывание из «Лезвия бритвы», вложенное в уста Ивана Гирина: «Помните, если вы, глядя на красоту нагой женщины, видите прежде всего "неприличные места" и их надо от вас закрыть, значит, вы ещё не человек в этом отношении». Крайности сходятся.

Ноосферно-коммунистические идеи Ефремова до сих пор у некоторых недалёких личностей вызывают обвинения их автора в «технократизме» и «тоталитаризме». По-моему, абсурдно называть сторонником тоталитаризма автора следующих строк: «Диалектический парадокс заключается в том, что для построения коммунистического общества необходимо развитие индивидуальности, но не индивидуализма каждого человека. Пусть будет место для духовных конфликтов, неудовлетворённости, желания улучшить мир. Между "я" и обществом должна оставаться грань» («Час Быка»). «Подавление индивидуальности сводит людей в человеческое стадо...» (там же).

Наверное, ленивых гедонистов не устраивает утверждённая Ефремовым необходимость самосовершенствования, самодисциплины и сознательной ответственности - всё это рассматривается как проявление «тоталитаризма», покушение на «свободу». Парадокс развития в том и состоит, что для возрастания *свободы* общества оно *должно* соответствовать более высоким духовно-нравственным критериям. Без этого условия несостоятельны любые самые прекрасные проекты общественного устройства - будь то по Фромму, Ефремову, Кропоткину и т.д.

Обвинения в «технократизме» также нелепы. Для Ефремова главным фактором и целью социального прогресса является развитие человека. Да, он говорил об огромной важности научного знания и научно-технического прогресса (и это правильно!), но никогда не считал, что учёные и инженеры должны быть «главными». На первое место, по мнению Ефремова, необходимо поставить Учителя и Врача - высока их значимость в обществе, но высока и моральная ответственность. Технический прогресс важен, однако носит вспомогательный характер, да и состоит он не столько в количественном росте, сколько в качественном улучшении. «Марксисты», говорящие о первичности производительных сил, забывают, что к этим самым производительным силам относятся не только технологии, но и творческие способности человека, и это главное.

А что касается «технологий войны», то к ним отношение Ивана Антоновича просто отрицательное. На вопрос: что бы вы сделали, если бы у вас была волшебная палочка? - он ответил: уничтожил бы всё вооружение. А вот что он писал В.И. Дмитревскому 5 августа 1967 года: «...Я за винтовку, но против громадной военной машины, как Айюб-хан - президент Пакистана. Тот заявил, что никакой индустриализации ему не надо, а от американцев он примет только одну помощь - противозачаточные пилюли. От канадцев ему нужна низкорослая пшеница особого сорта, и вот с этими двумя средствами он ликвидирует голод в стране... Что до вооружения, то народ, у которого есть винтовки и достаточно места в горах, может не бояться никакого нападения... Есть первобытная мудрость в нём!» [12].

Ефремовский мир - это не «конец истории». Преодолев социальное неблагополучие, люди этого мира продолжают раздвигать границы познания, борясь с энтропией. «Не спи! Равнодушие - победа Энтропии Чёрной!» - говорится в повести «Сердце Змеи». Какое уж тут успокоение! Да и сами люди ефремовского будущего - не застывшие истуканы, какими бы «холодными» они ни казались иному *сегодняшнему* читателю, отстоящему от них на тысячелетия. Расположив в один ряд героев рассказа «Пять Картин» (его действие происходит, по-видимому, в Эру Общего Труда, если придерживаться ефремовской хронологии), романа «Туманность Андромеды» (Эра Великого Кольца) и землян в романе «Час Быка» (Эра Встретившихся Рук), внимательный читатель увидит развитие человека, причём не только на психологическом (и парапсихологическом), но даже на антропологическом уровне. Осмысленная эволюция продолжается.

Сегодня на дворе стоит Час Быка - время с двух до четырёх часов ночи. Наступит ли рассвет, зависит в определённой мере от каждого живущего на нашей планете. Как ни велика в этом роль Титанов человечества, без участия простых хороших людей их труд окажется напрасен. В своё время Эрих Фромм в книге «Здоровое общество» («Sane Society», 1955) рассмотрел три исторические попытки гуманистического переустройства мира: первоначальное христианство, Просвещение, марксистский социализм. Первое обернулось Инквизицией, второе - якобинцами и Бонапартом, третий - сталинской диктатурой. Причину произошедшего Фромм усматривал в отсутствии комплексности, системности подхода: христианство сосредотачивалось *только* на проблеме духовно-нравственного совершенствования (пренебрегая изменениями в социальном строе), Просвещение - на гражданских и политических свободах, социализм - главным образом на вопросах социально-экономического устройства общества. Успех движения за гуманистическое переустройство

мира. Фромм видел в соединении духовно-нравственного и социального начал. Создав на этой основе здоровое общество, можно двигаться далее – к «полному коммунизму», - говоря словами К. Маркса, - осуществимому через культурное и технологическое преодоление разделения труда.

И.А. Ефремов, будучи системным мыслителем, придерживался такого же убеждения; он предостерегал от крайностей как идейно-политического фанатизма, так и полной отрешённости от «мирских страстей», - по лезвию бритвы. Разработанный им путь выхода из инферно можно для простоты разложить на три взаимосвязанные компоненты:

- принятие и осуществление в жизни принципов ноосферной, гуманистической этики - забота о ближнем и дальнем (включая будущие поколения людей), уважение свободы человека, неустанное стремление к нравственному самосовершенствованию;
- борьба за лучшее общество;
- воспитание воли к Жизни через умножение познания и красоты.

«Произведения Эрф Рома... помогли построению нового мира на переходе к Эре Мирового Воссоединения», - сказано в «Часе Быка». Но это уже зависит от нас.

Андрей Константинов

Июль – август 2000 г.

Литература

1. *И.А. Ефремов.* Собрания сочинений: М., Мол. Гвардия, 1975-76; М., Совр. Писатель, 1992; Н.Новг., 1998-99 и др. Книги Ефремова в электронном виде: на сайте «Нооген» (**http://noogen.newmail.ru/library.htm**), в Библиотеке Максима Мошкова (**http://www.lib.ru/**).
2. *И.А. Ефремов.* Космос и палеонтология. // Населённый космос. - М.: Наука, 1972.
3. *И.А. Ефремов.* Переписка с учёными. Неизданные работы. РАН, серия «Научное наследство», т. 22. - М.: Наука, 1994.
4. *В.Д. Захарченко.* Роман из вранья, или восемь чудес из вымышленной жизни Ивана Ефремова. // Техника-молодёжи. 1991. № 10.
5. Кораблю - взлёт! Из переписки И.А. Ефремова. // Книжное обозрение. № 7. 12 февраля 1988 г.
6. *В. Королёв.* Как фантаста записали в английские шпионы. // Столица. 1991. № 16.
7. *М.С. Листов.* Стрела Аримана. // Поиск. 1997. № 17.
8. *М.С. Листов.* «До звёзд ещё далеко...» // Учительская газета. 29 декабря 1998 г.
9. *М.С. Листов.* Иван Антонович Ефремов. // Московский журнал. 1999. № 7.
10. *Ю.Н. Медведев.* Грядущее Великое Кольцо. - Послесловие к книге: И. А. Ефремов. На краю Ойкумены. Звёздные корабли. - М.: Стройиздат, 1982.
11. *А.Ф. Сайфутдинов.* Открой в себе талант. Гл. 3: Крылья мечты. Гл. 6: Память земли. Гл. 8: Через прошлое к будущему. 1987-1992. (Рукопись).
12. Санаторий. - М.: Молодая гвардия, 1988.
13. *В.Е. Хазанов.* Иван Ефремов: видевший сквозь пространство и время. // Альтернативы. 1998. № 2.
14. *П.К. Чудинов.* Иван Антонович Ефремов. - М.: Наука, 1986.
15. *А.А. Юферова.* Иван Ефремов и «Агни-Йога». // Наука и религия. 1991. № 4.
16. *Т. Яламов.* Космическая сингулярность. // Терра фантастика. 2000. № 1. (На болгарском языке).

ОТ РЕДАКЦИИ:

В прошлом номере «Наперекора» был напечатан обзор анархических и леворадикальных изданий, в которых Революционная Конфедерация анархо-синдикалистов (РКАС) им. Н.И. Махно была названа организацией «донбасских анархистов». Это несколько обидело наших товарищей из РКАС им. Н.И. Махно, и они просили нас указать, что их организация ныне, помимо Донбасса, имеет свои группы и индивидуальных членов также в Днепропетровске, Харькове, Львове и Киеве, а, следовательно, является всеукраинской организацией. О чем мы с величайшим удовольствием и извещаем всех читателей нашего катализатора!

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ: ЧЕ ГЕВАРА

Че снова попал в материалы новостей, когда его останки были обнаружены в Боливии и перезахоронены на Кубе. Тогда же были опубликованы его до сих пор неизвестные фотографии периода боливийской кампании и 2 новые биографии. Героический культ, сложившийся вокруг него, дал ему новую жизнь. Его изображение на майках, постерах, пивных наклейках продолжает приносить деньги капиталистам; среди молодежи, как кажется, его образ ожил в виде идеи о Че как идеальном герое и борце за свободу. Этот культ героя, видимо, заразил многих юных радикалов, некоторые из которых даже считают себя анархистами.

Правда может оказаться неприятной для многих. К тому же культ Че продолжает использоваться для того, чтобы замаскировать действительную природу кастровской Кубы - одного из последних бастионов сталинизма. В то время, как усталые сталинисты и их попутчики-троцкисты празднуют годовщину Че, мы обратим свой взгляд на реального человека, стоящего за легендой.

Гевара родился в Аргентине в кубинской аристократической семье, переживавшей трудные времена, но все еще вполне состоятельной. Он воспитывался в комфорте. Когда Хуан и Эва Перон начали свой путь к власти, используя популизм и призывая рабочих и крестьян установить режим, имевший многие фашистские черты, Гевара был еще молод. В тот период он, кажется, вовсе не интересовался политикой и не высказывался в поддержку или против режима Перона.

Все это изменилось, когда произошли события в Гватемале. Левый офицер Арбенс был избран президентом этой страны. В 1952 г. он национализировал собственность «Юнайтед фрут» - крупнейшей американской компании, владевшей обширными землями и имевшей большое экономическое и политическое влияние. Он начал также национализацию земель крупных местных помещиков и фермеров. Гевара проникся энтузиазмом в отношении этого «социалистического» эксперимента, который заразил латиноамериканскую молодежь из среднего класса. Еще до того, как отправиться в Гватемалу, он писал: «Я поклялся перед изображением старого и печального товарища Сталина, что не успокоюсь до тех пор, пока не увижу этих капиталистических спрутов уничтоженными».

Армия

Гевара находился в Гватемале, когда США помогли вторгшимся силам свергнуть режим Арбенса. Ему удалось бежать в Мексику. Здесь он присоединился к кубинцам, группировавшимся вокруг Фиделя Кастро и его брата Рауля. В ноябре 1956 г. Че и 80 других членов созданного Фиделем «Движения 26 июля» высадились на Кубе, чтобы развернуть партизанское движение против диктатора Батисты, поддерживаемого США. Здесь Че проявил себя в качестве наиболее авторитарного и жестокого из лидеров герильи. Он стремился превратить добровольные партизанские соединения в классическую армию со строгой дисциплиной и иерархией. Как писал он сам, «из-за отсутствия дисциплины среди новых людей... было необходимо установить суровую дисциплину, организовать верховное командование и создать штаб». Он требовал смертной казни для «доносчиков, лиц, не подчиняющихся дисциплине, предателей и дезертиров». Он же лично осуществлял казни. Действительно, первая казнь доносчика кастристами была совершена Че. Он писал: «Я покончил с проблемой, выстрелив ему из пистолета 32 калибра в правую часть мозга». В другом случае он намеревался расстрелять группу партизан, начавших голодовку в знак протеста против плохой пищи. Фидель вмешался, чтобы удержать его. Еще один партизан, который посмел спорить с Че, был послан им в бой без оружия.

Помимо мер по милитаризации партизанских групп, Че выполнял и другую важную функцию. Он действовал как главный распространитель идей сталинизма в «Движении 26 июля». Втайне он работал над установлением союза с Народной социалистической партией (кубинской компартией). До тех пор в Д-26 и других антибатистовских группах, таких как Директорат, было мало сталинистов, а анархисты были стойкими антисталинистами. Коммунисты были крайне непопулярны среди антибатистовских сил. Ведь они были в прошлом младшим партнером режима и открыто осуждали предыдущие атаки Кастро против Батисты в 1953 г. К партизанской войне они присоединились с большим запозданием.

С победой кастровцев в 1959 г. Че вместе с его сталинистским соратником Раулем Кастро было поручено организовать государственный контроль. Он провел чистку армии, создал внутри нее классы переобучения и стал главным организатором казней сторонников Батисты, 550 из которых были расстреляны в первые же месяцы. Те, кто видел его за работой, считали его крайне жестоким. Казни сторонников старого режима, некоторые из которых действительно были замешаны пытках и

убийствах, были в 1960 г. распространены на критиков режима Кастро в рабочем и крестьянском движении. Пресса анархистов и анархо-синдикалистов была закрыта, многие активисты брошены в тюрьму. Че принял в этом непосредственное участие. В 1962 г. за этим последовали преследования троцкистов и аресты их активистов. Че заявил: «Вы не можете быть за революцию, но против Кубинской коммунистической партии». Он помогал создать тайную полицию С-2 и играл ключевую роль в создании «Комитетов защиты революции» - местных и региональных органов шпионажа и контроля над массами населения.

Ракетный кризис

Че был главным связующим звеном, даже архитектором все более тесных отношений между Кубой и Советским Союзом. История с ракетами, которая чуть не закончилась в 1962 г. ядерной войной, с кубинской стороны возглавлялась Че. Когда русские отступили перед лицом американских угроз, Че рассвирепел и заявил, что если бы ракеты были в его руках, он бы их применил.

В 1963 г. после визита в Россию, где он увидел, в каких условиях живет большинство народа, Че понял, что российский сталинизм - это бардак. И это после того, как он внедрял в кубинской экономике «планирование советского типа». Но вместо того, чтобы воспринять что-то из либертарной критики сталинизма, он попал в объятия китайского сталинизма. Он обрушился на советскую политику «мирного сосуществования», которая признавала Латинскую Америку «задним двором» США и оказывала мало поддержки движениям против американского контроля либо вообще не поддерживала их. Фидель теперь думал о спасении кубинской экономики и склонялся к примирению. Че, напротив, говорил о распространении вооруженной борьбы по всей Латинской Америке, где при необходимости можно будет даже использовать ядерное оружие.

Бойня

На этом фоне Че покинул Кубу, чтобы никогда уже не вернуться. Он направился в Конго, где сотрудничал с «Конголезской армией освобождения». Кампания была неудачной, и Че остался в изоляции, многие из его отряда были убиты. Тем не менее, Че по-прежнему верил в партизанскую войну, организованную небольшим вооруженным меньшинством. Его последняя, роковая кампания развернулась в Боливии. Она также потерпела фиаско. Боливийский рабочий класс, в особенности шахтеры с оловянных рудников, отличался высокой степенью активности и классовой организованности. Но, поддерживая стратегию китайских сталинистов, Че не сумел установить связь с промышленным рабочим классом. Крестьяне же, среди которых Че надеялся разжечь вооруженное восстание, были деморализованы аграрной реформой 1952 г. Таким образом, Че оказался неспособен установить связь ни с рабочими, ни с крестьянами. Местная компартия не оказала ему поддержки. Не имея поддержки, Че был окружен в предгорьях Анд, схвачен и казнен.

Да, Че был лично очень храбрым человеком. Да, он был фанатично убежден в том, что считал революцией и социализмом. Да, он отказывался от привилегий и роскоши, которыми пользовались другие лидеры кастровской Кубы, получал среднюю зарплату и много и тяжело работал на различных правительственных постах. Но многие милитаристы, фашисты и религиозные фанатики обладали такими чертами храбрости и самопожертвования. Привлекательная внешность и мученическая смерть Че сделали из него икону, и эту икону вовсю эксплуатировали все, кто стремился придать своей коммерции «революционный» шик. Однако внешность и храбрость заслоняли то, чем был Че в действительности. Безжалостный авторитарист и сталинист, восхищавшийся авторитарным национализмом перонистов, Че действовал как добровольный инструмент Советского блока по расширению его влияния. Даже когда он рассорился с СССР по вопросу о возможности партизанской войны в Латинской Америке, он оставался убежденным сталинистом, восхищавшимся Китаем и Северной Кореей. У него не было расхождений с Советским Союзом относительно того типа общества, которого он хотел достичь - бюрократического, авторитарного, сверхцентрализованного государственного индустриализма, презиравшего массы.

Че может показаться архетипическим романтическим революционером. В действительности же он был инструментом сталинистского блока и сторонником ядерной войны. Его позиция и действия свидетельствуют о том, что он не был другом трудящихся масс - ни рабочих, ни крестьян.

Organize!
Magazine of the Anarchist Communist Federation.
No.47

Из **Анархистской Федерации Великобритании** (бывшая Анархо-Коммунистическая Федерация) нам прислали 53-й номер их журнала **"Organise!"**. Его можно заказать через московский корпункт "Автонома" (**Москва, 109028, а/я 13**) за 30 рублей. Этот номер намного интересней прошлого: плотная бумага, красивая цветная обложка, достаточно картинок, 32 страницы. Тираж 1000 экз. **Темы:** много о глобализации, аналитические статьи про события в Сиэтле от их побратимов из Северо-Американской Анархо-Коммунистической Федерации, классовая борьба, экология, о Восточном Тиморе, статья о молодежном сопротивлении в гитлеровской Германии, историческая статья о либертарных группах с конца Второй Мировой Войны и до конца шестидесятых - т.е. самом мертвом сезоне в истории анархизма. Плюс письма, обзор новых книг, статья по культуре и об одном революционере начала века. Для англоязычных читателей - реально один из лучших доступных в России в печатном виде инфоресурсов.

ПО ПОВОДУ ЧЕ

Фигура Эрнесто Гевары, Че, считается примером героизма, поскольку он пожертвовал жизнью во имя своих идеалов. И этот образ утвердился и среди тех, кто, подобно анархистам, не может разделять его идеологию. Однако, поскольку существуют два Че - один реальный, другой легендарный, попытаемся увидеть дистанцию между тем и другим. Причем, не с целью демифологизировать его из иконоборческих соображений, а потому, что дело, за которое он отдал жизнь, не есть справедливое дело.

Кастровско-геваристская программа, как и свойственно марксизму, намеревалась ввести социализм сверху, через власть государства. Эта стратегия привела на Кубе к замене частного капитализма государственным, олигархии - бюрократией, а диктатора в лампасах другим – бородатым. В этом переходе от одной системы угнетения к другой Че сыграл фундаментальную роль. Он теоретически оправдывал необходимость диктатуры, но пытался сделать ее «съедобной».

Один из текстов, который высказывает и прекрасно иллюстрирует его идеи - это письмо, которое он написал из Алжира в редакцию ежемесячника «Марча» в Монтевидео, опубликовавшую его 12 марта 1965 г. под заглавием «Социализм и человек на Кубе». В нем он попытался показать, почему путь к социализму требует единой партии и единого видения истины - «коммунистического». Истиной обладают члены революционного авангарда, чья миссия состоит в руководстве массой, не допуская, чтобы люди «уклонялись» с правильного пути. Он утверждал, что масса уже знает новые ценности, но «еще недостаточно», а потому должна подвергаться «нажиму и стимулам определенной интенсивности». «Это диктатура пролетариата, осуществляемая не только над разгромленным классом, но индивидуально и над победившим классом». Переводя с че-кастровского жаргона, стимулы и нажим означали тюрьму и казни.

Че в Боливии

В речи, произнесенной в университете Монтевидео 19 августа 1961 г. и полностью опубликованной в газете «Эль Популар» 20 августа, Че восхвалял достижения кастровского режима в экономической области. Что не соответствовало истине, поскольку сельскохозяйственное производство и животноводство повсеместно сокращалось. Далее в своей речи Че заявил: «Мы должны быть жестокими, мы должны карать смертью некоторых людей , но мы заставляем их отвечать перед правосудием». Разумеется, он не объяснил, что палачи понимают под правосудием.

Невозможно собрать в одной статье все, что говорится в посвященной Че книге о Кубе. Мы лишь воспроизведем некоторые факты, которые позволяют взглянуть на этот персонаж с более близкого расстояния. Режи Дебре был вместе с Че в Боливии в марте-апреле 1967 г. В книге «Да славятся господа наши», вышедшей в издательстве Гаиймар, он отмечал у Че следующие черты: «бесчувственность, негибкость и сверхгуманное лицо как стороны одной и той же медали». Там же он приводит различные рассказы, демонстрирующие деспотическое обращение Че с подчиненными. Так, легендарный Маркос, глава колонны в Сьерра-Маэстра, говорил Дебре: «Я больше не поддерживаю этого типа. Это стало невозможно, хотя бы потому что он сумасшедший».

Дебре задается вопросом: «как можно отличить мистику жертвы, подкрепленную теологическим поиском надежды», от садо-мазохистского поведения? - «Очень трудно отличить одно от другого». Со своей стороны, мексиканский писатель Хорхе Кастаньеда, автор книги «Жить в красном», утверждал, что непомерные требования, которые предъявлял к себе Че, «не могли быть применены к другим без брутальной дозы авторитаризма». Дебре пришел к заключению, что Гевара отправился в Боливию «не победить, а проиграть». В этом он сходится с Пьером Кальфоном, утверждавшим, что боливийская авантюра Че имела лишь один смысл: «влечение к смерти, так же часто повторявшееся, как и приступы астмы».

В написанной Кальфоном биографии «Че. Эрнесто Гевара. Легенда нашего столетия» автор опирается на выступления на конференциях и тексты Че. Он утверждает, что Че никогда не мог избавиться от идиосинкразии в отношении кубинского народа, прибегая к «абсолютизму, который... удивляет и в то же время пугает». Однажды Че честно написал: «Могу

сказать, что не знаю ни одного кабаре, ни одного кино, ни одного пляжа, не знаю ни одного дома в Гаване. Я не знаю, как живет народ на Кубе».

Тем не менее, утверждают, будто Че стремился придать кубинскому марксизму этическое содержание. «Коммунизм без морали меня не интересует», - заявлял он. Он говорил Дебре, что у революции должна быть мораль: «иначе, какой в ней смысл?» Но парадоксальным образом в его понимание морали не входило уважение к жизни и свободе других. Поэтому, пишет Дебре, когда Кастро поставил к стенке 5 предполагаемых сторонников Батисты, Че не поколебался казнить 10: «Смертная казнь не трогала совесть воинов».

В своем письме в «Марча» Че, рассказывая, как формируется новый человек в лаборатории диктатуры (разумеется, он употребляет другие слова), поясняет, каковы, по его мнению, конкретные «моральные стимулы», основанные на социалистических, а не капиталистических ценностях. Он объясняет, что эти моральные стимулы заключаются в премиях, дипломах, квалификации. Бросается в глаза концептуальная и этическая бедность Че. Ведь главные моральные стимулы для революционера - это защита свободы и справедливости, а не какой-то диплом, который нужно оправить в рамку и повесить на стену.

Даже если утверждать, что Гевара хотел придать кубинскому марксизму этическое содержание, его действия противоречат любому намерению гуманизировать революцию. Наоборот, логика его поведения объясняется геваристским кредо: *«Ненависть как фактор борьбы, непримиримая ненависть к врагу, которая выходит за пределы человеческого естества и превращает человека в эффективную, отборную и холодную машину для убийства».*

Психические отклонения усиливаются, когда человек попадает в аппарат власти. Там они могут породить немыслимые дела. Гитлер и Сталин продемонстрировали это со всей ясностью. Хотя Че и не дошел до такого, а только отдавал приказы о расстреле, его действия доказывают, что сам он не был на высоте мифа о самом себе. Мы позволим себе в заключение привести совершенно иную позицию - революционную, но либертарную. Эррико Малатеста, отрицая ненависть как побудительный мотив и цель, заявлял: «Ненависть не порождает любовь, с помощью ненависти нельзя обновить мир. Революция ненависти или ухудшит все, или приведет к новому угнетению, которое будет, на сей раз, именоваться анархистским, как нынешние правительства именуются либеральными, но которое отнюдь не перестанет быть угнетением и порождать такие же эффекты, что и любое политическое угнетение. Вот почему, если для победы потребуется воздвигнуть на площадях гильотины, я предпочитаю быть побежденным».

Иван Эчеверри

El Libertario
Organo de la Federacion Libertaria Argentina.
N.42. Octubre-noviembre de 1998

БУРЖУИН

Николай МУРАВИН

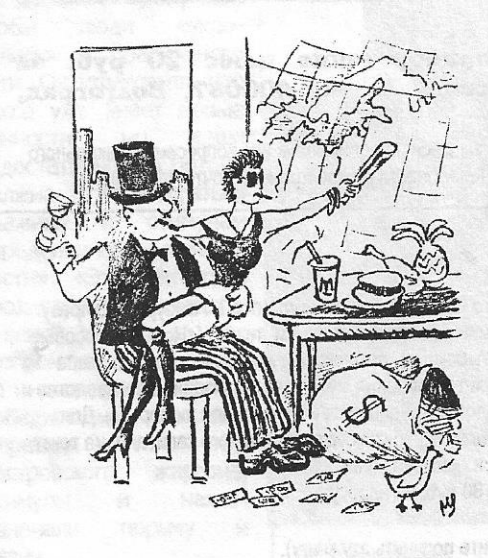
ОТ РЕДАКЦИИ:
Николай Муравин (1966 – 1996) – наш товарищ, анархист, талантливый литератор, один из основателей журнала «Наперекор». Его пьеска «Буржуин» была написана в 1992 году, и с тех пор не раз «ставилась» на всевозможных вечеринках и в дружеских кампаниях, а также (в несколько измененном виде) – в московском клубе им. Джерри Рубина.

Действующие лица:

- Автор
- Мистер Твистер
- Сюзи
- Мальчиш-Кибальчиш
- Кук
- Народ

Пролог

Автор:
Зритель, зажмурьтесь! Откройте рот!
Не останется глух ни один:
Сейчас покажем вам кинофильм
Под названием «Буржуин».
Кто-то вдыхает тлетворный запах,
Кто-то СКВ набивает в чулок,
Кто-то с надеждой смотрит на Запад,
А кто-то с ужасом – на Восток.
В буржуев играют советские дети.
Буржуев теперь воспевает поэт.
Буржуев рисуют нам в розовом цвете,
А мы вам покажем их черный цвет!

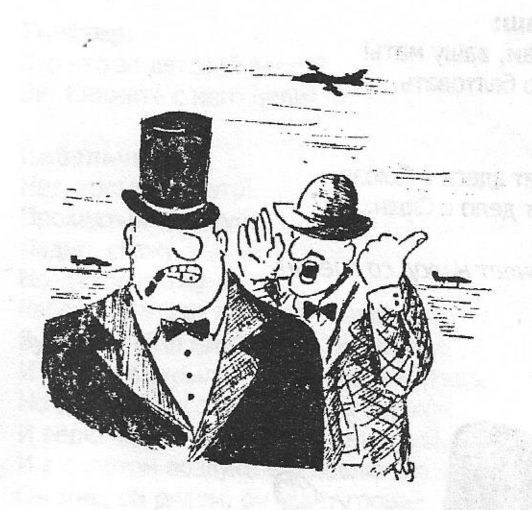
Картина 1

Автор:
Есть за границей контора Кука.
Это для нас непонятная штука.
Если валюту вам некуда деть
Или хотите престиж поиметь,
Кук без проблем, немедля, в минуту
Сможет использовать вашу валюту.
Вы купите север и купите юг, -
В этом поможет ваш друг – мистер Кук.
Мистер Твистер – бывший министер,
Который Рокфеллеру, может, подстать,
Владелец заводов, газет, пароходов
Кому-нибудь помощь решил оказать.
На это сказала любовница Сюзи:
«Давай побываем-ка в… бывшем Союзе.
Накормим несчастных зернистой икрой,
У нас все равно пропадает.
Поедем, ты будешь народный герой:
Там 70 лет голодают».

Твистер:
Родная, у вас удивительный вкус!
Поедем, но все ж напоследок
Ответь: почему этот… бывший Союз?
Твой выбор абстрактен и редок .
Поможем Саддаму, поедем в Багдад!

Сюзи:
Хочу в Петербург, бывший их Ленинград!

Автор:
А то, чего хочет любовница,
Должно непременно исполниться.

Картина 2

Автор:
Мистер Твистер, миллионер,
Помощь решил оказать СССР.
Вот на посадку заходит «Мираж»,
В люк грузовой загружают багаж.
Твистер сигару сосет, только вдруг
С неба на землю спускается Кук.

Кук:
О, май дарлинг Твистер,
Бывший наш министер!
Может быть, не стоит в СНГ летать?
Там живут бандиты и рецидивисты,
Там живут ужасные, злые анархисты –
Будут вас кусать, бить и обижать...
А еще, мой дорогой Твистер, у них есть
Какая-то страшная и непонятная Тайна...

Твистер:
Велл! Ты, видно, постарел.
Мистер Твистер очень смел
И богат необычайно:
Я купить советский тайна!

Картина 3

Автор:
Вот уже семь бесконечных лет
Перестройка в России идет.
Русский люд ненакормлен, раздет
Каждый день потому и орет.

Народ:
В этой Системе прокол обнаружен!
Лозунг на завтрак, лозунг на ужин!
Мне надоело советское свинство!
Хочу в буржуинство! Хочу в буржуинство!!!

Автор:
Говори про это тише!
Иль не видишь Кибальчиша?!

(Выходит Кибальчиш)

Чем известен Кибальчиш?
Он когда-то был мальчиш.
На заре Советской Власти
Показал буржуям шиш.
И тогда он навсегда
Стал героем соцтруда
На груди его сверкает
Депутатская звезда.

Кибальчиш:
С хлебом-солью встаньте тут...
Ну, теперь нам всем капут.

Твистер *(входит с Сюзи):*
Это рашен каравай? Ноу!
Хочу Биг-Мак! Давай!
Подставляйте... уши? Эти!
Буду вешать вам спагетти .
Я решил, что есть резон
Основать здесь некий зон.
Хочешь деньги в банк «Инком»? –
Поработай с огоньком!
Не прогуливай ни дня,
А работай на меня.
И тогда здесь каждый мэн
Скоро будет бизнесмен.
И любая рашен фэйс
Заимеет личный кейс.
В это время ваши дети
Будут изучать маркетинг.
Вы согласны на Прогресс?

Народ:
Йес!

Твистер:
Начинаем ли процесс?

Народ:
Йес!

Твистер:
Разогнать КПСС?

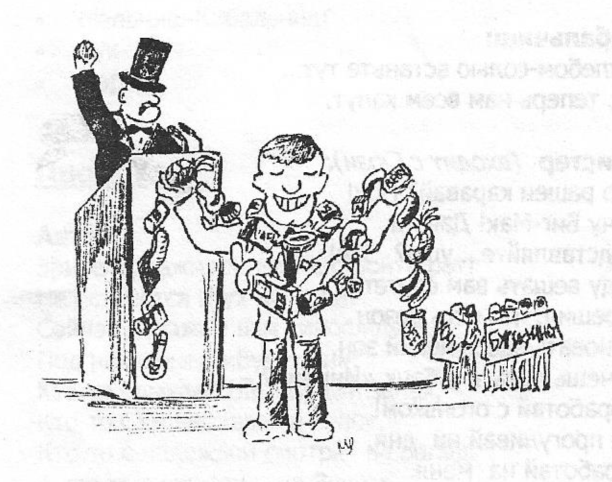
Народ:
Йес!!! Йес!!!

Кибальчиш *(надев буденновку, которую выхватывает из дипломата):*
Не позорьте вашу мать –
Партию родную!

Твистер:
Что за крики? Заковать!
Дайте цепь большую!

Автор:
«И заковали мальчиша в тяжелые цепи...»

(Сюзи заматывает Кибальчиша в цепи из предметов буржуйского ширпотреба.)

Твистер:
Кибальчиш, ты не грусти.
Помощь Твистера – внести!
Становись по одному...

Народ:
Твистер нам привез хурму!

Твистер:
Вы хотели сладкий овощ?
Нет: совсем другая помощь!

(Народу вручают примитивные орудия труда: лопаты, кирки и т.д. Народ работает под руководством Сюзи.)

Народ:
Масса Твистер, как же быть?
Мы хотим перекурить!

Твистер:
Много куришь – много вред.
Может , вам еще обед?

Кибальчиш:
Говорил вам, вашу мать!
Предлагаю бастовать.

Твистер:
Кто бастует здесь в Союзе,
Тот имеет дело с Сюзи.

(Сюзи угоняет народ со сцены).

Картина 4

Твистер:
Не пойму всех их причуд.
Удручен... Я не шучу.
Я им все ж за их работу
Хоть немного, но плачу.
Что за русская душа?
О! Спрошу Кибальчиша .
Эй, мальчиш, открой свой рот!

Кибальчиш:
Дай докушать бутерброд.

Твистер:
Нет, скажи, какая Тайна
Окружает ваш народ?

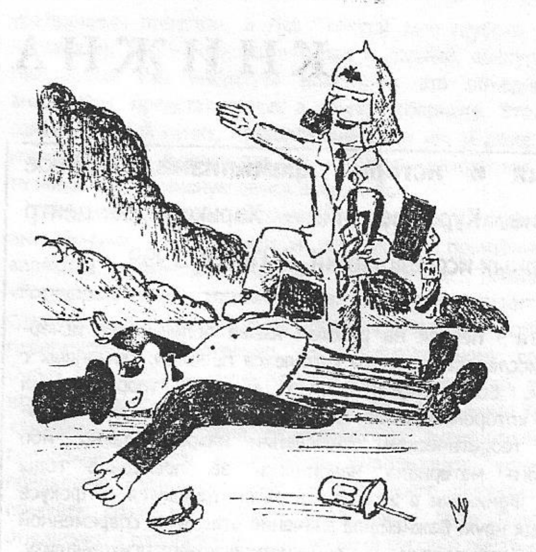
Кибальчиш:
Я – марксист! Я – большевик!
Я влезал на броневик!
А проклятым буржуям
Не скажу я... ничего!

Твистер:
Это что за детский лепет?
Эй! Снимите с него цепи!

Кибальчиш:
Нет, только не это!
Проклятый буржуй!!!
Ладно, скажу.
Но такое скажу ...
Рабочий Запада задобрен навсегда.
Буржуй набил ему живот, по слухам.
И Призрак скрылся из Европы в никуда,
Но здесь, в России, пахнет его духом.
И верю я, что грянет смертный бой,
И в спертом воздухе его ловлю его я признак,
Он жив, он рядом, он идет грозой,
Он доберется до тебя, великий Призрак!

(Темнота. Прожектор. Появляется Призрак - то ли Маркс, то ли Бакунин, то ли Вадим Дамье. Звучат волшебные слова по – немецки. Твистер, испустив жуткий вопль, падает.)

Автор:
Твистер стал краснее рака,
Подавился он биг-маком.
Встретил смерть свою, жуя,
И не стало буржуя.
Поделом буржуину досталося,-
Нам же сказку дослушать осталося.
Разошелся едкий дым –
Кибальчиш непобедим.
Поднимается мальчиш
И буржую кажет шиш.

Кибальчиш:
Ха! Куда ни погляжу я:
Был буржуй – и нет буржуя.
Так будет с каждым во веки веков!
Не удалось уберечь его.
Мне же терять уже нечего...
Кроме вот этих оков.
(Уходит, спрятав цепь в дипломат.)

Автор:
Кто-нибудь из вас случайно
Спросит: в чем же эта Тайна?
Мы б сказали, но – увы!
Знаем то же, что и вы!

Конец

ВЕСЬ МИР БУНТУЕТ,
А ВЫ ДАЖЕ НЕ ЗНАЕТЕ ОБ ЭТОМ?

www.goryachiy.narod.ru
www.imperativ.net/indymedia/global.htm
www.ainfos.ca
www.infoshop.org

КНИЖНАЯ ПОЛКА

• **Теория и история феминизма.** Учебное пособие. Курс лекций. - Харьковский центр гендерных исследований, Ф-Пресс, 1999.

Эта книга - первое на русском языке более-менее исчерпывающее исследование всего комплекса проблем, связанных с феминизмом. Более всего радует высокий теоретический уровень, на котором подается материал. Кажется, такая необходимость в теоретическом осмыслении назрела давно, ибо эмпирического материала накопилось за последние годы достаточно. Феминизм в этой книге рассматривается в фокусе гуманитарных наук. Важнейшее значение отводится современной философии: семиологии и лингвистическому психоанализу. Философия дала феминизму категориальный аппарат и достойное место в системе абстрактно-спекулятивных доктрин. Философский феминизм - это наука, теория, и от этого никто не может так просто отмахнуться. Значительное место в книге занимает анализ альтернативных политических и экономических теорий, где женщина - самостоятельный субъект соответственно политической и экономической жизни. Детально рассматривается роль и значение современных феминистских экспериментов – таких, как создание чисто женских сообществ, лесбийских коммун со своей неиерархической идеологией, противоположной мужскому принципу доминирования. Авторы учебника во многом оценивают подобный опыт как успешный в рамках попыток выйти за пределы тотальной патриархатной культуры.

Особое место занимает культурологический раздел сборника - он посвящен роли и месту женщины в различных культурах и эпохах - Античности, Средних веках, Возрождению, а также на Востоке. Психологический раздел книги посвящен полемике с Фрейдом и неофрейдизмом. В целом успех сборника обусловлен ее концептуальной постановкой проблемы феномена женского в широком контексте современного гуманитарного знания.

Книга обогатит кругозор всех интересующихся современными течениями гуманитарной мысли, а феминисткам и феминистам даст огромную интеллектуальную помощь для серьезных дискуссий с идеологическим противником.

Анастасия Дроздова

• **Анархисты. Документы и материалы.** Том 1. 1883-1916 гг. М., 1998; Том 2. 1917-1935 гг. М., 1999. (Составитель В.В. Кривенький).

Вышедший двухтомник содержит колоссальный массив материалов по истории российского анархизма первой четверти XX века: листовки, декларации, статьи, письма, некрологи, воззвания, материалы съездов и конференций (всего – 500 документов!). Достоинства этого издания очевидны – это его фундаментальность, серьезность, колоссальная информативная ценность. В нем, например, напечатаны обширные материалы Амстердамского анархического конгресса 1907 года, а также известная «платформа» Аршинова и другие важные документы.

Однако имеются и существенные недостатки. Во-первых, очевидны вопиющие пробелы: неровно и отрывочно представлена деятельность анархистов «в провинции» (особенно в 1917-1921 годах); «официальные» стороны жизни анархо-движения: съезды, резолюции и декларации, отражены куда лучше, чем его повседневная деятельность, теоретические искания и практические дела. Во-вторых, неприятное и отталкивающее впечатление производят весьма поверхностная вступительная статья и явная тенденциозность составителя – можно говорить о его определенных симпатиях к большевизму и государству. Это обусловило, например, заявление о том, что песня «Интернационал» будто бы «полностью заимствована анархистами у социал-демократов» (на деле – все было наоборот), или убежденность «анархолога» (как он себя именует) В.В.Кривенького в том, что: «на практике все способы претворения «анархии» в жизнь выливались в бессмысленные насильственные действия, разрушения и гибель людей, всяческое неприятие этико-нравственных норм». Этим, вероятно, объясняется то, что в сборнике напечатаны документы какой-то, явно не имеющей отношения к анархистам, но имеющей отношение к «революционным проходимцам», «партии немедленных социалистов», - зато лишь отрывочно и разрозненно присутствуют документы таких важных движений и организаций, как махновская повстанческая армия, КАУ «Набат», Всероссийская организация анархистов подполья (1919 г.) или анархического партизанского движения Сибири.

Словом, данное издание весьма и весьма далеко от совершенства (особенно, если еще принять во внимание его ничтожный тираж – 1 тысяча экз. и весьма высокую цену – почти 300 рублей за два тома, а значит, малую доступность даже для сильно интересующихся людей, особенно не обитающих в столицах). Однако, эта первая попытка систематизации материала по истории российского анархизма, надеюсь, будет отнюдь не последней. Либертарные исследователи и издатели! Не будем отдавать изучение и освещение анархического движения всецело на откуп буржуазным и государственным ученым и типографиям! За работу!

Петр Рябов

• **Анархизм. Сборник.** Москва, Государственная публичная историческая библиотека России, 1999. Предисловие Е.В. Старостин. – 241 с.

Книга является переизданием сборника 1906 года, выпущенного в Санкт-Петербурге издательством «Слово». Как можно узнать из предисловия Е.В. Старостина, это издательство нельзя отнести к идейным, как, например, «Голос труда», выпустивший во время 1917-1922 гг. основную массу анархической литературы в России. «Слово» руководствовалось, скорее, конъюнктурными соображениями – удовлетворить интерес публики к анархизму. В течение первой русской революции анархизм получил в России довольно широкое распространение, особенно в южных губерниях, анархический террор влиял на сознание населения не меньше, чем эсеровский. Вот издатели книги – окололитературная богема Петербурга – и

решили познакомить читающую публику с теорией анархизма. Это поэт С.А. Цион (Антон Горемыка), переводчик пьес В. Томашевский, кто-то из сотрудников «Русского слова» – Н. Скляр или Н.Г. Савостицкий (оба подписывались псевдонимом «Н.С.»). Книга делалась в спешке, издатели пользовались недолгим потеплением политического климата, желая избежать преследований со стороны царской цензуры. Этим можно объяснить имевшиеся недостатки первого издания (грамматические ошибки и опечатки), исправленные во втором однако не полностью. В «Содержании» присутствует, например, очевидный ляпсус: автор очерка «Михаил Бакунин о государстве» - Лев Толстой, это может ввести неискушенного читателя в заблуждение.

Сборник дает представление о разнообразии теоретических составляющих анархизма. Наверное, уместнее было бы назвать книгу «Анархисты», ибо она не характеризует все анархическое течение в целом, не излагает его историю, это собрание статей известных (и не очень) анархистов и очерки о взглядах М. Бакунина, П. Прудона и М. Штирнера. Другие известные широкой публике имена, присутствующие в данном сборнике – П. Кропоткин и Л. Толстой. Таким образом, в книге представлены все крупные теоретики анархизма. Кроме того, имеются статьи Э. Реклю, Б. Таккера, Д. Маккея, Ж. Этьевана, М. Неттлау и Ф. Домелы Ньювенгейса (фамилия последнего анархиста имеет в книге разночтения – Ньювенгейс, Ньювенгаус). Надо сказать, что представленная книга как в начале XX века, так и сейчас остается (для России) в своем роде уникальной, ибо нам неизвестно более попыток объединить в одном сборнике статьи столь разнообразных по своим взглядам известных анархических мыслителей разных времен и стран. В отличие от нынешнего времени, в начале XX века в России вышла, кстати, не одна книга по анархизму вообще – это книги Диля, Ценкера, Бирмана, Эльцбахера и Кульчицкого. Впрочем, интересующимся данной тематикой можно порекомендовать электронную библиотеку по анархизму: **http://anarchive.da.ru**.

Составители рассматриваемого нами издания «сохранили нетронутой структуру сборника 1906 года, как оригинального памятника политической мысли эпохи первой русской революции» (стр. 8). Структура эта страдает, на наш взгляд, существенным недостатком - авторы расположены не в хронологическом порядке. Если бы в книге присутствовала хронологическая нить в представлении разных анархических мировоззрений, можно было бы проследить, хотя бы поверхностно, эволюцию анархической мысли 19 – начала 20-го века. В книге же Бакунин идет после Кропоткина, а Прудон после них обоих, а ведь взгляды каждого из них нужно рассматривать в контексте того времени, когда они жили, в контексте развития социальных и экономических отношений, развития философии.

Как верно замечает Е.В. Старостин, издатели сборника, на первый взгляд, попытались соединить в книге несоединимое. Мировоззренческие взгляды теоретиков анархизма весьма неоднозначны. Например, Прудон, а вслед за ним Бакунин и Кропоткин были яростными противниками частной собственности. Но каждый из них предлагал свою альтернативу этому институту. Прудон заменял «собственность» на «владение», Бакунин был сторонником «коллективной собственности» (но ни в коем случае не государственной). Кропоткин ратовал за коммунистическое пользование продуктами природы и человеческого труда. Немец Макс Неттлау, грубо говоря, делал ставку на пролетариат и критиковал Кропоткина за его народническое «химерическое представление о крестьянах» (с.5). Кропоткин ведь считал, как и российские эсеры, что русская крестьянская община – прогрессивный институт, удобный для построения социалистических отношений. Михаил Бакунин был убежденным атеистом, а Лев Толстой был глубоко верующим человеком. Однако последний, как и первый, выступал против государства как института власти, и это объединяет всех анархистов, представленных в данном сборнике. Это, пожалуй, самый главный пункт, позволяющий всем им, и даже Толстому, который себя анархистом не называл, находиться в одном течении мысли, именующемся анархизмом.

Из всех статей сборника, на наш взгляд, наиболее интересными, актуальными и достойными прочтения сегодня являются следующие. Статья Бенджамина Таккера (США) «Государственный социализм и анархизм», где анархист сравнивает два направления социалистической мысли, отдавая предпочтение, естественно, безгосударственному социализму. Очерк Петра Алексеевича Кропоткина «Государство, его роль в истории» (присутствует в изданной в 1999 году книге Кропоткина «Анархия, ее философия, ее идеал»), где знаменитый анархист предрекает смерть европейской цивилизации, если она не преодолеет государственный период своего развития. Уместно помещен сразу после Кропоткина очерк Льва Толстого «Об отношении к государству», где великий русский писатель говорит о недопустимости служения государству (в какой бы то ни было форме) для истинного христианина. Удачно написан очерк об анархических («федералистских») взглядах Пьера-Жозефа Прудона (Франция), в отличие от очерка «Михаил Бакунин о государстве», где неудачно, на наш взгляд, подобраны отрывки из книги русского анархиста «Бог и государство». Неплохо изложена антигосударственническая концепция Макса Штирнера, отрицавшего любую власть и предлагавшего заменить современный строй «союзом эгоистом».

Любопытна статья Макса Неттлау «Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса», в которой за длинным названием кроется простая мысль – нужно быть честным по отношению к себе и к другим. Неттлау адресовал это рабочему классу, являясь в то же время его представителем. Толстой говорил абсолютно то же самое, только апеллировал не к классовому самосознанию, а к Новому Завету. Наконец, любопытно прочитать статью Ф. Домелы Ньювенгейса «Вопрос о милитаризме». Рассказ о том, что войны не будет, если Рокфеллер денег не даст, вполне понятен. Важнее другой вопрос – воспитание подрастающего поколения в милитаристском духе и, вообще, дух военщины, нагнетаемый государством не только в сфере образования, но и в других сферах общественной жизни. Ньювенгейс предлагает бороться с тем, что в магазинах продаются военные игрушки для детей, а в школах и институтах заставляют заниматься военной муштрой, говоря, что предпочитает межнациональной войне классовую. «..Когда последняя пушка будет уничтожена анархизмом – человечным и цивилизующим, таким, каким его изображает на одной из своих картин бельгийский художник Вирц – то повсюду воцарится белое знамя мира», - пишет анархист.

Представленный сборник, в общем, выглядит больше как «памятник политической мысли», однако сказать, что мысли, принадлежащие перу классиков анархизма, совсем не актуальны сегодня, нельзя. Е.В. Старостин несколько пугающим тоном заявляет, что «все-таки человечество не гарантировано от возвращения возможно даже в усиленном варианте анархистской идеологии... И тогда решать она будет извечные задачи – восстанавливать нарушенное предшествующим эволюционным развитием РАВЕНСТВО в широком понимании этого слова. Чем более будет высок уровень политического и культурного просвещения общества, тем менее будет разрухи, хаоса и крови»..

С.М.

РАЗОРВАТЬ НЕПРЕРЫВНОСТЬ ИСТОРИИ!

(Окончание. Начало на стр. 20-23)

Традиция угнетенных и разрушительная сила пролетариата

Исходя из той мысли, что прошлое никогда не бывает завершенным, следует примкнуть к традициям угнетенных и противопоставить их «континууму угнетателей». Задача историка - с одной стороны, показать историю страданий, с другой - вечного протеста. «Задача истории - не только оживить традиции угнетенных, но и создать их». Ее цель должна состоять в том, чтобы пробудить в современных им угнетенных чувство мщения, таящуюся в нем «небольшую мессианскую силу», так чтобы в момент «вспышки опасности» ее несбывшиеся надежды могли осуществиться. Здесь видно отличие от марксистского представления, исходящего из спасения «будущих поколений», тогда как Беньямин делает упор на продолжение и окончательное осуществление борьбы прошлых поколений. Его представление об истории в основе своем как бы «обращено назад» (но не в смысле реакционности). Этому соответствует его мотив «социализма как поворота», заимствованный у Ландауэра, его «хватка за стоп-кран», которая должна положить конец длительному состоянию катастрофы.

Историческим субъектом, который должен продолжить традицию протеста, является пролетариат как преемник всех угнетенных классов истории. Ему надлежит остановить историю и, тем самым, взорвать континуум (непрерывность) угнетения. В этом состоит «функция политической утопии (пролетариата): высветить сектор достойного уничтожения». Здесь Беньямин, вполне в традиции Бакунина, придает силе разрушения - в смысле окончания длительной чрезвычайной ситуации, сноса возвышающейся руины затянувшейся катастрофы - значение силы созидательной.

Заключение

В итоге следует подчеркнуть, что «исторический материализм» Беньямина вовсе не является таковым, поскольку он не носит ни исторического характера (в смысле направленного развития человеческой истории), ни исключительно материалистических черт. Его представление об истории можно скорее охарактеризовать понятием обогащенной мессианством «антиисторической философии истории».

Причина, по которой он продолжал держаться за термин исторический материализм, возможно, - его уступка работавшим с большой осторожностью в американской эмиграции представителям Франкфуртского института социальных исследований, с которыми он находился в тесной связи. На это указывает и очевидная разница по сравнению с формулировками в подготовительных работах к «Тезисам о понятии истории». В них мысли Беньямина сформулированы очень ясным языком, не зная которого вообще невозможно интерпретировать тезисы.

Обращаясь к теологии, Беньямин вступает на издавно презираемую «научными» социалистами почву философского идеализма. Остается вопрос, допустим ли подобный шаг в практической историографии, поскольку ее целью, в конечном счете, является революционная практика, или же он ведет к новым мифам, которые еще больше отдаляют цель спасения.

На этот вопрос ответить не так-то просто. Подобно тому, как материализм, взятый сам по себе, ведет к тому, что снова и снова отодвигает поворот, поскольку какие-нибудь условия все еще не созрели, голый идеализм может привести к желанию навязать этот поворот и довести его до абсурда. Таким образом, речь идет о том, чтобы найти некую связь, диалектическое взаимодействие между этими двумя полюсами, чтобы вернуться к цели рассмотрения истории - общественно-преобразующей практике.

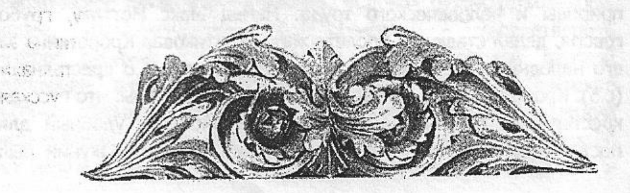
Я думаю, что беньяминовская «хватка за стоп-кран» сегодня настоятельней, чем когда-либо. По меньшей мере, после Чернобыля должно стать ясно, что беспрепятственное и некритическое одобрение прогресса в развитии производительных сил угрожает существованию человечества. Одновременно по всему миру множатся признаки варварства. В этом смысле предостережения Беньямина относительно оборотной стороны прогресса в покорении природы - «регресса в обществе» (тезис 11) - в высшей степени актуальны.

Недостаточно указывать на то, что материальные предпосылки для общества без нужды, без отчуждения, сегодня давно уже налицо. Необходимо - в духе Беньямина - вновь обратиться к утерянным традициям протеста.

Однако (не только) исторический материализм глубоко погребен под собственными развалинами. Действительно критической теории, такой, которая бы охватывала общество как целое, а не занималась лишь модернизацией «одного и того же», - больше нет, по крайней мере, в общественном восприятии. Поэтому в поисках путей к окончанию чрезвычайной ситуации нам не стоит пугаться прибегнуть к помощи карлика, который «сегодня мелок и противен и не смеет показаться на свет».

Лутц Нойбер

Schwarzer Faden, 3 / 99 (N 69)

Оборот «социальная справедливость», по очень давнему и резкому выражению одного более мужественного, чем я человека, - это просто «семантическая передержка, темная лошадка из той же конюшни, что и «народная демократия»».

...

В социал-дарвинизме много ошибочного, но резкое его неприятие, высказываемое сегодня, отчасти обусловлено его конфликтом с пагубной самонадеянностью, будто человек способен лепить окружающий мир в соответствии со своими желаниями.

Фридрих фон ХАЙЕК

О Хайеке см.стр.18

Экономический аспект коммунизма не умаляется, не отрицается ... Единственно, что следует здесь отбросить - это неадекватный, исторически исчерпанный дискурс марксизма, в котором часто наличествуют случайные, свойственные прошедшей эпохе гуманистические ... темы.

Александр ДУГИН

О Дугине см.стр.14